

Он не герой.
Он – моя слабость...

НЕПОКОРНЫЙ РЫЦАРЬ

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ AMAZON.COM

СОФИ ЛАРК

Freedom. От врагов к возлюбленным.
Бестселлеры Софи Ларк

Софи Ларк

Непокорный рыцарь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ларк С.

Непокорный рыцарь / С. Ларк — «Эксмо», 2020 — (Freedom. От врагов к возлюбленным. Бестселлеры Софи Ларк)

ISBN 978-5-04-189006-3

Мой отец болен. У брата проблемы с законом. Я решила прикрыть его, взяв вину на себя. Если у меня есть чувство собственного достоинства, мне стоит держаться подальше от Неро Галло. Он сердцеед. Создатель хаоса. Ходячая катастрофа. Но есть одна загвоздка: у меня серьезные неприятности с полицией. Единственный человек, который может мне помочь, это Неро. Мы не друзья. Он бы с радостью посмотрел, как я тону в пучине собственных невзгод. Но он – мой единственный шанс. Я уговорю его помочь мне. Если устою перед чарами непокорного рыцаря...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-189006-3

© Ларк С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Плей-лист	6
Камилла	7
Неро	16
Камилла	24
Неро	31
Камилла	37
Неро	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Софи Ларк

Непокорный рыцарь

Sophie Lark

Savage Lover

Copyright © 2022 by Sophie Lark

© Комаревич-Коношенкова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плей-лист

1. Sober – G-Eazy
2. Hands To Myself – Selena Gomez
3. Satisfy – NERO
4. Love Lies – Khalid
5. Watermelon Sugar – Harry Styles
6. Him & I (with Halsey) – G-Eazy
7. Nobody’s Love – Maroon 5
8. Bad Reputation – Joan Jett
9. Treat Her Right – Roy Head
10. Nice For What – Drake
11. Whatever You Like – T.I.

Камилла

Я торчу под этим «Сильверато» уже три часа подряд, занимаясь своей самой нелюбимой деятельностью – вынимаю коробку передач. Это непростая, грязная и совершенно паршивая работа. И это еще в нормальных условиях. Я же делаю это в самый жаркий день лета.

В нашей мастерской нет кондиционера, так что с меня ручьем льется пот, отчего руки становятся скользкими. К тому же по радио уже третий раз играет песня BTS ON, и я ни черта не могу с этим сделать.

Наконец я избавляюсь от болтов и поперечины и готова вытащить коробку. Делать это нужно аккуратно, чтобы не повредить сцепление или гидротрансформатор.

Коробка передач весит 146 фунтов¹, и это после того, как я слила все жидкости. Домкрат помогает мне удерживать ее, но я бы не отказалась от помощи своего отца. Он отрубился сразу после ужина. В последнее время папа сильно устает, и ему едва удавалось разлепить глаза, чтобы доесть свою тарелку спагетти.

Я сказала, чтобы он шел спать, и обещала обо всем позаботиться.

Я опускаю коробку передач на домкрат и выкатываю ее из-под пикапа. Затем я собираю все гайки и болты и складываю их в пакетики с этикетками, чтобы не потерять ничего важного.

Это первое, чему научил меня отец в ремонтном деле, – быть организованной и щепетильной.

«Это сложные механизмы. Ты сама должна быть как слаженный механизм. В нашем деле нет места ошибкам».

Вытащив коробку передач, я решаю отпраздновать успех газировкой. Кондиционера у нас, может, и нет, но, по крайней мере, в холодильнике всегда прохладно.

¹ Примерно 66 кг.

У моего отца автомастерская на Уэллс-стрит. Мы живем прямо над ней в маленькой двухкомнатной квартирке. Мы – это я, отец и младший брат Вик.

Я поднимаюсь туда, вытирая руки о тряпку. Верхнюю часть спецовки я сняла, а футболка вся пропиталась потом. Еще она перепачкана всеми вытекающими из автомобиля жидкостями. Ну и к тому же просто грязная. В мастерской довольно пыльно.

Мои руки настолько чумазые, что лишь два часа под душем и стальная губка смогут привести их в божеский вид. Масло въелось в каждую трещинку и линию на моей коже, а под ногтями вечная чернота. Обтерев руки, я убрала лишь малую часть грязи и все равно оставляю отпечатки пальцев на холодильнике.

Я хватаю колу и открываю банку, на секунду прижав ее к щеке, прежде чем сделать несколько больших глотков.

Из комнаты выходит разодетый Вик. Все его наряды гораздо уместнее смотрелись бы в музыкальных клипах – узкие джинсы, яркие рубашки, кроссовки, которые брат судорожно начищает зубной щеткой всякий раз, как заметит на них каплю грязи. На это уходят все его деньги, если они у него бывают.

Я подавляю желание взъерошить его длинные лохматые волосы цвета карамели. Вику всего семнадцать – он на восемь лет младше меня. Часто я чувствую себя скорее его матерью, чем старшей сестрой. Наша настоящая мать оставила мальчика у нашего порога, когда ему было два с половиной года. Это был тощий малыш с глазами вполлица и совершенно потрясающими ресницами (почему парням всегда достаются самые лучшие ресницы?). Никаких вещей и игрушек, кроме фигурки Человека-паука без одной ноги. Брат таскал ее за собой всюду, даже в ванную, и крепко сжимал по ночам. Я не знаю, где они жили раньше и кто его отец. Мой папа принял Вика, и с тех пор мы живем втроем.

– Куда ты собираешься? – спрашиваю я.

– Погулять с друзьями, – отвечает брат.

– Какими друзьями?

– Тито. Эндрю.

– Что будете делать?

– Не знаю. – Вик хватается себе колу и открывает банку. – Может быть, посмотрим кино.

– Поздновато для кино.

Сейчас 21:40. Не так уж много фильмов начинается после 22:00.

Вик лишь пожимает плечами.

– Не задерживайся допоздна, – говорю я.

Брат закатывает глаза и направляется прочь из кухни.

Я замечаю на нем новую пару кроссовок. По мне, так они совершенно нелепы – белые и массивные, с какими-то странными изогнутыми серыми полосками по бокам. Это баскетбольные кроссовки, но я сомневаюсь, что Вик собирается играть в них в баскетбол, – если только матч не проходит на Луне в 3000 году.

Они выглядят дорого.

– Где ты их взял? – Я жду ответ.

Вик избегает моего взгляда.

– Выменял у Эндрю на мои джорданы².

Я знаю, когда мой брат врет. Ему никогда это не удавалось.

– Ты же не украл их из магазина?

– Нет! – с жаром отвечает он.

– Хорошо бы это было так, Вик. Тебе почти восемнадцать, если из-за этого дерьма ты испортишь себе личное дело...

² *Air Jordan* – именная линейка кроссовок, разработанных Nike специально для баскетболиста Майкла Джордана.

– Я не крал их! – кричит брат. – Мне пора идти, а то опоздаю.

Он перекидывает рюкзак через плечо и выходит, оставляя меня на кухне в одиночестве.

Я хмуро допиваю газировку. Я люблю брата всем сердцем, но беспокоюсь за него. Вик тусит с ребятами, у которых гораздо больше денег, чем у него. Ребятами, которые живут в фешенебельных особняках и чьи родители одним нажатием кнопки могут набрать номер адвоката, чтобы тот вытащил под залог их идиотов-отпрысков, если те сделают какую-нибудь глупость.

Мы не можем позволить себе такой роскоши. Я снова и снова говорю брату, что пора браться за ум и усердно заниматься в течение выпускного года, чтобы поступить в хороший колледж. Его не слишком интересует работа в автомастерской.

К сожалению, школа его тоже не очень интересует. Вик собирается стать диджеем. Я еще не разрушила этот его воздушный замок.

Я выкидываю банку в ведро для металлических отходов, готовая вернуться в мастерскую.

Следующий час я продолжаю возиться с коробкой передач. Хозяин «Сильверадо» не хочет менять ее – он хочет, чтобы мы отремонтировали ту, что есть. И так как мы не знаем точно, что не так с этой проклятой коробкой, мне приходится разобрать ее целиком, почистить каждую деталь и проверить, что износилось или сломалось.

За работой я продолжаю думать о брате. Я не верю в его историю про кроссовки, и мне не нравится, что Вик тусуется с Эндрю. Это худший из его друзей – заносчивый, избалованный и злобный. У брата доброе сердце. Но он хочет быть популярным, из-за чего постоянно ввязывается во всякие глупости, чтобы впечатлить друзей.

Я вновь вытираю руки и хватаюсь за телефон. Хочу проверить в приложении, действительно ли Вик отправился в кино.

Я приближаю маленькую голубую точку, и, разумеется, он вовсе не в кинотеатре. Брат где-то на Гудзон-авеню, похоже, в каком-то доме. Это не дом Эндрю или еще кого-то, кого я знаю.

Рассердившись, я захожу в соцсети и проверяю сториз Вика. Он пока ничего не постил, так что я проверяю аккаунт Эндрю.

Вот и они – все три парня на какой-то домашней вечеринке. Вик пьет из красного пластикового стаканчика, а Тито, кажется, уже совершенно пьян. Надпись гласит: «Сегодня установил рекорд».

«Черта с два», – цежу я сквозь зубы.

Засунув телефон в карман спецовки, я хватаю ключи от своего «Понтиака-Транс-Ам». Если Вик планирует нажраться в компании этих придурков, то этому не бывать. Он не должен пить, зато должен отработать завтра утреннюю смену в супермаркете. Если брат снова проспит, его уволят.

Я быстро направляюсь туда, где маячит голубая точка, – во всяком случае, так быстро, как могу, чтобы не перегреть древний двигатель своего авто. Эта машина намного старше меня, и в последнее время я поддерживаю в ней жизнь в основном одной лишь силой воли.

До дома ехать всего семь минут. Я бы нашла его и без приложения – музыка гремит за три квартала. Десятки машин припаркованы по обеим сторонам дороги. Тусовщики буквально вываливаются из дверей, влазят и вылазят через окна и вырубаются прямо на газоне.

Я паркуюсь как можно ближе и устремляюсь в дом.

Я проталкиваюсь внутрь сквозь толпу народа в поисках своего младшего брата.

Большинству гостей, кажется, уже за двадцать, и это самая настоящая студенческая вечеринка – с пив-понгом, полуголыми девушками, играющими в покер на раздевание, энтузиастами, пьющими пиво вверх ногами, и парочками, занимающимися петтингом на диванах. В воздухе висит такой дым, что я едва могу видеть что-либо на расстоянии вытянутой руки.

Пытаясь высмотреть брата, я не особо слежу, куда иду, и натываюсь на группу девушек, отчего одна из них вскрикивает от гнева, когда ей на платье проливается напиток.

«Глаза разуй!» – оборачиваясь рычит она.

О черт.

Я умудрилась нарваться на ту, которая и так уже меня ненавидит, – Изабеллу Пейдж.

Когда-то мы вместе ходили в школу.

Будто мне мало одной Беллы, она стоит в компании своих подружек, Беатрикс и Вики. Они называли себя королевами школы³. На полном серьезе.

«О мой бог, – растягивая слова, говорит Белла своим низким голосом с хрипотцой. – Похоже, я напилась сильнее, чем думала. Готова поклясться, что вижу перед собой Чумазую Мартышку».

Так они меня называли.

Я не слышала эту кличку уже по меньшей мере шесть лет.

Но, едва Белла произносит ее, я тут же переполняюсь отвращением к себе, прямо как раньше.

– Что на тебе *надето*? – с отвращением спрашивает Беатрикс. Она смотрит на мою спецовку с выражением такого ужаса, который обычно появляется у людей при виде автомобильной аварии или упоминании массового геноцида.

– Мне показалось, что запахло горящим мусором, – говорит Вики, морща свой идеальный маленький носик.

Боже, я надеялась, что эти трое после школы уехали куда подальше. Или умерли от дизентерии. Мне не принципиально.

Белла подстригла свои гладкие светлые волосы, и теперь у нее удлиненный боб. Беатрикс определенно увеличила грудь. А у Вики на пальце сверкает гигантский камень. Но все трое по-прежнему прекрасны, хорошо одеты и смотрят на меня так, словно я дерьмо, прилипшее к их подошве.

– Ого, – с притворной любезностью говорю я. – А я ведь действительно по этому скучала.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Беатрикс, складывая тонкие руки под своей новой грудью.

– Разве ты не должна сидеть в своем вонючем гараже, умываясь машинным маслом? – презрительно усмехается Вики.

– Я думала, она окажется на Чермак-роуд, – говорит Белла, пристально глядя на меня своими холодными голубыми глазами. – И будет сосать член за десятку, как ее мамаша.

Жара, дым и звуки вечеринки словно растворяются. Я вижу перед собой лишь милое личико Беллы, скривившееся в презрении. Даже сейчас, когда я в ярости, я не могу не признать, что она действительно красива: большие голубые глаза, окруженные густыми черными ресницами. Розовые губы, искаженные в усмешке.

Впрочем, я все равно мечтаю пересчитать кулаком ее идеальные зубы. Но папаша девушки – какой-то влиятельный банкир, которому доверяют свою наличку все богатые говнюки Чикаго. Я не сомневаюсь, что он засудит меня по полной, если я покушусь на его маленькую принцессу.

– По крайней мере, она получает десятку, – слышу я низкий голос. – Ты же обычно делаешь это бесплатно, Белла.

Засунув руки в карманы, у кухонного шкафа стоит Неро Галло. Его темные волосы стали еще длиннее, чем в школе, и падают ему на лицо, не скрывая, впрочем, синяк, расплывшийся под правым глазом, и неприятный порез на губе.

³ Изабелла – королева Испании, Беатрикс – королева Нидерландов, Виктория – королева Великобритании.

Но ни одно из этих увечий не способно испортить невероятную красоту парня. Наоборот, они лишь подчеркивают ее.

Неро – живое доказательство того, что с нашей вселенной что-то не так. Никогда еще что-то настолько опасное не являлось на свет в столь притягательной оболочке. Он словно свежая сочная ягода, при одном только взгляде на которую можно изойти слюной. Но укусив ее, вы погибнете от яда.

Этот итальянец – ходячий секс в образе Джеймса Дина⁴. Все в нем, от серых глаз с поволокой до полных губ и высокомерной развязности, рассчитано на то, чтобы ваше сердце замерло в груди, а затем вернулось к жизни от одного его взгляда.

Когда девушки замечают Неро, их настроение мгновенно меняется.

Белла и не думает обижаться на его подкол – вместо этого она хихикает и закусывает нижнюю губу, словно парень с ней флиртует.

– Я не знала, что ты будешь здесь, – говорит она.

– С чего бы тебе знать? – грубо спрашивает он.

У меня нет никакого желания вступать в беседу с Неро или продолжать разговор с королевами. Мне нужно найти брата. Но прежде, чем я успеваю уйти, Галло спрашивает:

– Это твой «Транс-Ам» там стоит?

– Да, – отвечаю я.

– 77-го года, ограниченная серия?

– Ага.

– Как у Бертон Рейнольдса⁵.

– Точно, – говорю я и улыбаюсь вопреки желанию. Я не хочу улыбаться Неро Галло. Я бы предпочла держаться от него как можно дальше. Но сейчас он говорит о моей единственной вещи, которую я действительно люблю.

Бертон Рейнольдс водил такую же машину в фильме «Полицейский и бандит» – только его была черная с изображением золотого орла на капоте, а моя – красная с гоночными полосами. Выцветшая и изрядно помятая, но все еще, как мне кажется, довольно крутая.

Белла не имеет ни малейшего понятия, о чем мы говорим. Ее просто бесит, что мы с Неро в принципе разговариваем. Ей тут же надо перетянуть его внимание обратно на себя.

– У меня «Мерседес-Гелендваген», – говорит девушка.

– Должно быть, у твоего отца был хороший год, – отвечает Неро, растягивая в усмешке пухлую верхнюю губу, которая стала еще больше после ранения.

– Определенно, – воркует Белла.

– Слава богу, не перевелись еще такие герои, как он, помогающие несчастным миллиардерам прятать свои денежки, – говорю я.

Белла оборачивается резко, как змея. Она явно хотела бы, чтобы я уже ушла или умерла на месте, оставив их с Неро вдвоем.

– Расскажи нам, пожалуйста, как ты спасаешь этот мир, – шипит девушка. – Заменяешь масло во имя сирот? Или ты все та же неудачница, которой была в старших классах? Я искренне надеюсь, что нет, потому что если ты до сих пор грязная маленькая дегенератка, то я понятия не имею, как ты собираешься платить за мое испорченное платье.

Я смотрю на ее обтягивающее белое платье, на котором виднеются три крошечных пятнышка пунша.

– Почему бы тебе его не постирать? – спрашиваю я.

⁴ *Джеймс Дин* – американский киноактер и икона стиля 1950-х гг., чья жизнь трагически оборвалась в возрасте 24 лет. В культуре того времени олицетворял собой юношеское разочарование и социальное отчуждение, что нашло выражение и в стиле его одежды – джинсы, белая футболка и куртка либо рубашка поверх.

⁵ *Бертон Рейнольдс* – голливудский актер и секс-символ 1970-х.

– Потому что никто не бросает платье за восемьсот долларов в стиральную машину, – отвечает мне Белла. – Впрочем, откуда тебе это знать, если ты никогда не стираешь одежду. Да и вообще, похоже, плохо знакома с концепцией мытья.

Она морщится, глядя на мою грязную майку и волосы, стянутые засаленной банданой.

Я сгораю от стыда под этим взглядом. Я не знаю почему. Я не знаю, что мне за дело до мнения Беллы Пейдж. Но я также не могу спорить с тем, что я бедна и выгляжу ужасно.

– Ты зря тратишь время, – скучающим тоном говорит Неро. – У нее нет восьмисот долларов.

– Боже, – хихикает Беатрикс, – Ливаю не помешает охрана на таких вечеринках. Чтобы держать подальше всякий сброд.

– Уверена, что пройдешь фейсконтроль? – тихо говорит Неро.

Он хватает с барной стойки бутылку водки, делает пару глотков и удаляется, ни разу не оглянувшись, словно вовсе забыл о моем существовании.

Королевы тоже забыли обо мне. Они с тоской смотрят вслед Неро.

– Он такой придурок, – говорит Беатрикс.

– Но как же чертовски хорош, – шепчет Белла, и ее низкий голос полон решимости. Девушка смотрит вслед Неро так, словно он одновременно сумочка «Биркин» и «лабутены».

Пока Белла сгорает от страсти, я пользуюсь случаем и отправляюсь в противоположную сторону в поисках Вика. Не найдя его на первом этаже, я поднимаюсь выше и начинаю заглядывать в комнаты, в которых либо кто-то чпокается, либо принимает дурь, либо играет в Grand Theft Auto.

Дом огромный, но знавал и лучшие времена. Очевидно, он повидал на своем веку не одну вечеринку: на деревянной обшивке полно сколов, а в стенах – странных дыр. Судя по обстановке в комнатах, здесь живет несколько человек, и все они, скорее всего, парни. Гости представляют собой пеструю толпу из снизошедших светских львиц вроде Беллы и гораздо более стремных типов. Мне не нравится, что мой брат имеет отношение к этому сборищу.

Наконец я нахожу его на заднем дворе играющим в пинг-понг. Вик так надрался, что едва может держать ракетку, не говоря уже о том, чтобы отбивать мячик.

Я хватаю его сзади за футболку и начинаю тащить за собой.

– Эй, какого черта! – вопит мой брат.

– Мы уходим, – рывкаю я.

– Кажется, он не хочет уходить, – обращается ко мне Эндрю.

Я искренне его презираю. Это мелкий заносчивый засранец, который любит одеваться и разговаривать как гангстер. Тем временем оба его родителя – хирурги, а сам Эндрю уже зачислен в Северо-Западный университет.

За его будущее можно не беспокоиться. Пацан может сколько угодно притворяться плохишом, а когда ему это наскучит, Эндрю отправится в универ, оставляя моего брата на обочине жизни.

– Сгинь с глаз моих, пока я не позвонила твоим родителям, – рычу я ему.

Эндрю ухмыляется:

– Удачи. Они сейчас на Арубе.

– Отлично, – говорю я. – Тогда я позвоню в полицию и сообщу о пьяных малолетках.

– Ладно-ладно, идем, – едва ворочая языком, говорит Вик. – Ща, рюкзак возьму.

Он достает свой рюкзак из-под бильярдного стола, чуть не спотыкаясь о собственные ноги в этих нелепых кроссовках.

– Пошли, – говорю я, нетерпеливо таща его за собой.

Я проскальзываю в боковую калитку, не желая возвращаться в дом, чтобы снова не нарваться на Беллу.

Оказавшись на тротуаре, я немного расслабляюсь. Однако я все равно зла на брата за то, что он напился.

– Ты в любом случае выходишь завтра на работу, – предупреждаю его я. – Я подниму тебя в семь утра, и мне плевать, если у тебя будет похмелье.

– Блин, я ненавижу то место, – жалуется Вик, покорно шаркая за мной.

– О, тебе не нравится раскладывать продукты по пакетам? – резко говорю я. – Тогда, возможно, тебе стоит взять себя в руки и получить достойное образование, чтобы не заниматься этим до конца жизни.

Я усаживаю его на пассажирское сиденье и резко захлопываю дверь. Затем иду к водительской двери.

– Ты не ходила в универ, – недовольно замечает Вик.

– Да, и посмотри на меня, – говорю я, показывая на свою грязную одежду. – Я буду вечно работать в этой автомастерской.

Я отъезжаю от тротуара. Вик прислоняет голову к окну.

– Я думал, тебе это нравится... – говорит он.

– Мне нравятся машины. Мне не нравится менять людям масло и чинить их дерьмо, а затем выслушивать жалобы и нытье по поводу цен.

Я сворачиваю на улицу Гете и еду небыстро, так как уже темнеет, а уличное освещение оставляет желать лучшего.

Но, даже несмотря на это, Вик начинает зеленеть.

– Притормози, – говорит он. – Меня сейчас стошнит.

– погоди секунду. Я не могу остановиться прямо...

– Притормози! – кричит брат, со всей дури дергая за руль.

– Какого хрена! – кричу я, снова выравнивая руль, прежде чем мы успеваем врезаться в припаркованные вдоль бордюра машины. Раньше, чем я успеваю найти подходящее место для остановки, в зеркале заднего вида вспыхивают красные и синие огни. Я слышу короткий вой сирены.

– Твою мать! – Я со стоном съезжаю на обочину.

Вик открывает дверь и высовывается из машины, чтобы наблехать на дорогу.

– Возьми себя в руки, – бормочу я.

Прежде чем я успеваю сделать что-то еще, офицер полиции выходит из машины и стучится в мое окно, светя фонариком мне в лицо.

Я опускаю стекло, моргаю и пытаюсь как-то смочить пересохший рот, чтобы сказать хоть что-то.

– Вы пили сегодня вечером? – требовательно спрашивает полицейский.

– Нет, – отвечаю я. – Простите, моему брату нездоровится...

Полицейский переводит луч фонаря на Вика, выхватывая из темноты его налитые кровью глаза и заблеванную рубашку.

– Выходи из машины, – говорит ему офицер.

– Так ли это...

– Из машины, живо! – рявкает он.

Вик вываливается из машины, пытаясь не угодить в блевотину. Он цепляет ногой свой рюкзак, и тот падает на дорогу.

Полицейский заставляет его встать, положив руки на крышу машины, и начинает личный досмотр.

– У тебя имеется при себе оружие? – спрашивает он, похлопывая Вика.

– Не-а, – отвечает мой брат, качая головой.

Я тоже выхожу из машины и стою со стороны водителя.

– Я просто везу его домой, офицер, – говорю я.

Рука копа замирает на бедре Вика.

– Что в кармане, пацан? – спрашивает он.

– Ничего, – глупо отвечает Вик.

Полицейский тянется в карман его джинсов и извлекает небольшой пакетик. Мой желудок скручивается в узел. В пакете лежит две таблетки.

– Что это? – спрашивает коп.

– Я не знаю, – отвечает Вик. – Это не мое.

– Не двигайся с места, – приказывает полицейский. Он поднимает рюкзак моего брата и начинает его обыскивать. Минуту спустя офицер достает оттуда пакет на липучке, под завязку набитый таблетками, – их там не меньше ста штук.

– Дай угадаю, – говорит он. – Это тоже не твое.

Прежде чем Вик успевает ответить, я выпаливаю: «Это мое!»

Черт, черт, черт. Что я делаю?!

Офицер переводит взгляд на меня, подняв бровь. Это высокий стройный мужчина с квадратной челюстью и ярко-голубыми глазами.

– Вы в этом уверены? – тихо спрашивает он. – Здесь много таблеток. Это не похоже на личные запасы. У нас тут хранение с целью распространения.

Я начинаю потеть, сердце бешено бьется в груди. Это охренительно большая проблема. Но это будет моя проблема, не Вика. Я не позволю ему вот так разрушить свою жизнь.

– Это мое, – решительно говорю я. – Все эти таблетки мои.

Вик переводит взгляд с полицейского на меня. Он так пьян и напуган, что не понимает, как ему быть. Я смотрю брату прямо в глаза и едва заметно качаю головой, предупреждая, чтобы он держал рот на замке.

– Садись в машину, пацан, – велит ему полицейский.

Вик забирается обратно на пассажирское сиденье. Офицер закрывает за ним дверь. Затем он обращает свое внимание ко мне.

– Как ваше имя, мисс?

– Камилла Ривера, – сглатывая, отвечаю я.

– Офицер Шульц, – представляется он, указывая на свой жетон. – Подойди сюда, Камилла.

Я обхожу машину, и теперь мы оба стоим в ярком свете фар.

Подойдя ближе, я понимаю, что полицейский моложе, чем мне показалось сначала. Ему около тридцати, максимум тридцать пять. У него коротко стриженные светлые волосы, обритые по бокам, и загорелое лицо. Полицейская форма туго накрахмалена.

Офицер Шульц улыбается мне, но я еще никогда в жизни не испытывала такого страха. Моя судьба буквально находится у него в руках, представляя собой пакет с таблетками.

– Ты знаешь, что это, Камилла? – спрашивает он.

Я смотрю на таблетки. Они чем-то похожи на фигурные витаминки – бледно-желтые пилюли в форме школьного автобуса. Подозреваю, что это наркотики.

– Да, я знаю, что это, – хрипло отвечаю я.

– В штате Иллинойс действуют строгие законы против дури, – говорит офицер Шульц низким приятным голосом. – Хранение даже одной таблетки считается уголовным преступлением. Пятнадцать и более таблеток влекут за собой минимальное наказание сроком в четыре года. Я бы сказал, что у тебя здесь где-то сто пятьдесят. Плюс те, что в кармане у твоего брата.

– Они тоже мои, – говорю я. – Он не знал, что это. Я попросила спрятать их для меня.

Офицер долго и молча смотрит на меня. Я не могу понять, что значит выражение его лица. Полицейский продолжает улыбаться, но я понятия не имею, что скрывает эта улыбка.

– Где ты живешь? – спрашивает он.

– На Уэллс-стрит. Над «Аксель-Авто». Это моя мастерская – моего отца. Я тоже там работаю.

– Ты механик? – спрашивает коп, оглядывая мою одежду.

– Да.

– Нечасто встретишь девушку-механика.

– Вряд ли вы вообще знаете много механиков, – отвечаю я.

Это не лучший момент для сарказма. Но я устала слышать эти комментарии. Особенно от мужчин. Особенно от тех, кто не доверяет мне работу над машиной, а сами не способны отличить плунжер от свечи.

К счастью, Шульц посмеивается.

– Только одного, – говорит он. – Но я думаю, что он меня дурит.

Между нами снова повисает тишина. Я все жду, что сейчас он сомкнет на моих запястьях наручники и посадит меня в служебную машину.

Но вместо этого полицейский говорит:

– «Аксель-Авто» на Уэллс-стрит?

– Да.

– Я заеду к тебе завтра.

Я тупо смотрю на него, не понимая смысла этих слов.

– Отвези брата домой, – говорит коп.

Он сует таблетки в рюкзак и закрывает молнию. Затем бросает рюкзак к себе в багажник.

Я все еще стою на месте, ничего не понимая.

– Я могу ехать? – глупо переспрашиваю я.

– Пока да, – отвечает Шульц. – Завтра поговорим.

Я сажусь в машину, сердце болезненно бьется о грудную клетку. Во рту привкус металла, а мозг вопит, что все это чертовски странно.

Но я не собираюсь спорить. Я вляпалась в большие неприятности и готова принять любой спасательный круг, что кинула мне судьба.

Я только надеюсь, что он не окажется якорем.

Неро

Сейчас вечер пятницы. Я жду Мейсона Беккера перед старым заброшенным сталелитейным заводом в Саут-Шоре.

Это место – какой-то гребаный прикол, не иначе. Завод стоит у самой воды – такой гигантский, что вместил бы в себя весь центр Чикаго. Но при этом он совершенно заброшен и пустует с тех самых пор, как в конце девяностых сталелитейная промышленность потерпела окончательный крах.

Большинство зданий разрушено, но вывеска U. S. Steel еще на месте, хоть и поросла сорняками. Кажется, будто здесь случился армагеддон и я единственный выживший.

Да и вообще райончик тут стремный. Не зря же его прозвали «Городом страха». Но Мейсон хотел встретиться именно здесь, так что я жду.

Он, как всегда, блин, опаздывает.

Когда Беккер наконец объявляется, я слышу его тачку раньше, чем вижу, – у чувака тархтит двигатель. Он подъезжает на старой дерьмовенькой «Тойоте-Супра» с длинной царпиной на боку, оставленной ключами бывшей подружки.

– Эй, что так рано? – высовывается из окна Мейсон и ухмыляется.

Это высокий тощий парень с кудрявыми волосами и выбритыми по бокам молниями.

– У тебя стоят неправильные свечи зажигания, – говорю я ему. – Поэтому твоя тачка звучит как газонокосилка.

– Чел, о чем ты, на хрен, я менял их на прошлой неделе.

– Где менял?

– У Фрэнки.

– Да? Дай угадаю, он предложил тебе бартер.

Мейсон ухмыляется.

– Он сделал все за сто баксов и порцию дури. И что?

– И то, что он использовал не те свечи. Возможно, вытащил их из чьей-то машины. Тебе стоило попросить меня.

– Ты исправишь это?

– Хрен тебе.

Мейсон смеется:

– Так я и думал.

– Итак, – соскальзываю я с капота своей машины. – Что там у тебя?

Мейсон вылезает из «Супры» и открывает багажник, чтобы показать мне его содержимое. Там лежат три пистолета FN-57, мощнейшая винтовка 50-го калибра и полдюжины пистолетов 45-го калибра.

Все они разных марок и моделей, серийные номера затерты грубо. Этот товар не так хорош, как тот, что мы покупали у русских, но они не особо сейчас с нами общаются, учитывая, что пару месяцев назад мы застрелили их главаря. Так что теперь мне нужен новый поставщик.

Мейсон получает оружие из Миссисипи. В этом штате одни из самых лояльных законов об оружии в стране. В ломбардах и на выставках можно купить что угодно и не регистрировать после. Так что Мейсон поручает своим двоюродным братьям раздобыть все, что нам нужно, а затем доставляет это по межштатной магистрале I-55.

– Если эти тебе не нравятся, я могу достать другие, – говорит Мейсон.

– Сколько у тебя кузенов? – спрашиваю я.

– Не знаю. Штук пятьдесят.

– Твоя семья занимается чем-то еще, кроме секса?

Он хмыкает.

– Я – точно нет. Люблю придерживаться традиций.

Я еще раз осматриваю оружие.

– Пойдет, – говорю я. – Возьму все.

Мы немного торгуемся из-за цены. Мейсон – потому что до сих пор надеется вернуть Патришу, несмотря на то, как она обошлась с его машиной, и, наверное, хочет купить ей какой-нибудь подарок. Я – потому что Беккер заставил меня тащиться хрен знает куда, в этот паршивый район, где мусор летает повсюду, как перекасти-поле.

Наконец мы приходим к соглашению, и я вручаю ему пачку денег. Мейсон перекладывает оружие в потайной отсек моего багажника, который я соорудил под запасным колесом.

Если бы какая-нибудь сучка поцарапала ключами мой «Мустанг», я бы утопил ее в озере. Я люблю эту тачку. Я сам собрал ее по частям после того, как разбил свой «Шевроле-Бел-Эйр».

– Ну что, – спрашивает Мейсон, когда с делами покончено, – какие планы на вечер?

– Не знаю, – пожимаю плечами я. – Никаких, наверное.

– Ливай устраивает в своем доме вечеринку.

Я задумываюсь. Ливай Каргилл – богатенький мажор, который любит корчить из себя Пабло Эскобара⁶. Он никогда не нравился мне в школе, но надо признать, что вечеринки Ливай устраивает отменные.

– Ты сейчас туда? – спрашиваю я Мейсона.

– Ага. Ты со мной?

– Хорошо. Только поедем на моей.

Мейсон хмурится.

– Я не хочу оставлять здесь машину. Мало ли что случится.

– Никто не позарится на твою тачку, если только ее снова не найдет Патриша. Это ведро даже на металллом не сгодится.

Похоже, Мейсона это задевает.

– Ты в курсе, что ты сноб? – спрашивает он.

– Не-а, – отвечаю я. – Я люблю все тачки. Кроме твоей.

Мейсон садится на пассажирское сиденье, и мы возвращаемся в Олд-Таун. Он пытается переключить мой плейлист, и я хлопаю его по руке, прежде чем Беккер успеет притронуться к магнитоле. Впрочем, я позволяю ему опустить стекло, потому что сегодня жарко, как в пекле, и легкий ветерок нам не помешает.

Мы подъезжаем к дому Ливая, где вечеринка уже в самом разгаре.

Это было славное местечко, когда Ливай только унаследовал его от своей бабули. Но с тех пор он только и делает, что закатывает здесь вечеринки, так что соседи уже, должно быть, поставили номер полиции на быстрый набор. Впрочем, говорить что-то самому Ливаю они не рискуют. Может, он и надутый позер, но у парня такой скверный характер, что он способен наброситься на любого восьмидесятилетнего старика, который осмелится кинуть на него косой взгляд.

Я уже узнаю некоторых людей. Это обычное дело. Я живу в Чикаго всю свою жизнь. Ходил в школу в Окмонте, в десяти минутах езды отсюда. Пытался отучиться семестр в Северо-Западном университете, но пропустил шесть недель. Я ненавижу сидеть в классе и еще больше ненавижу сдавать тесты. Мне насрать на физику или философию. Я предпочитаю то, что можно применить на практике. Воплотить в жизнь. Потрогать.

Я сходил на одну лекцию, где профессор час распинался о природе реальности. Если даже он не может разобраться в реальности, то чего вообще ждать от меня?

Знаете, что можно разобрать целиком и полностью? Автомобильный двигатель. Его можно раскрутить до последнего болта, а затем снова собрать обратно.

⁶ Пабло Эскобар – колумбийский наркобарон.

Кстати, об автомобилях. Пока мы подходим к дому, я замечаю припаркованный у бордюра красный «Транс-Ам». Ему не помешают новые шины и свежая покраска, но в остальном это самая настоящая классика.

Я внимательно рассматриваю его, пока мое внимание не привлекает маленькая рыжеволосая бестия. Она идет к дому в обтягивающей черной юбке и ботильонах, ее волосы собраны в высокий хвост, который покачивается при ходьбе.

Я автоматически подстраиваюсь под ее шаг и подхожу вплотную, чтобы девушка обернулась.

– О, привет, Неро, – с игривой улыбкой говорит она. У рыжули ямочки на щеках, в которых поблескивает серебряный пирсинг. Лицо девушки кажется знакомым, а еще она охрипительно сексуальна в этой своей короткой юбке и обтягивающем кроп-топе. У нее маленькая грудь, но это ничего. Как я уже сказал Мейсону, я непривередлив.

– Здравствуй, Красная Шапочка, – говорю я Рыжуле, настоящего имени которой не помню. – Что ты делаешь здесь совсем одна? Не боишься большого серого волка?

– Это ты, что ли? – спрашивает она, оглядывая меня с головы до ног и взмахивая ресницами.

– Ну, я определенно большой, – тихо отвечаю я, подходя ближе.

– Я слыхала, – говорит девушка, широко ухмыляясь.

– Да, и от кого же?

Я знаю, что девушки любят посплетничать о парнях, с которыми занимались сексом, и я знаю, что она хотела со мной пофлиртовать, но я начинаю злиться. Меня бесит, когда люди болтают обо мне. Даже если это комплименты.

Рыжуля слышит раздражение в моем голосе. Она начинает запинаться, улыбка гаснет.

– Ну, ты как-то встречался с Сиенной...

– Я не встречался с Сиенной, – резко говорю я. – Я просто позволил ей отсосать мне в сауне.

– Ага, – хихикает девушка. – Именно об этой ночи она мне и рассказывала. Она сказала, что ты...

– Почему ты не написала мне, как приехала? – прерывает ее мужской голос.

Крупный дородный парень в футболке «Чикаго Беарз»⁷ приобнимает Рыжулю за плечи. У него одно из тех лиц, на котором все вроде бы на своем месте, но что-то неуловимо не так. Квадратная челюсть, но вытянутое лицо. Прямой нос, но слишком глубоко посаженные глаза. Этого парня я помню, потому что он полный придурок. Его зовут Джонни Верджер.

С ним пара его приятелей, таких же вышедших в тираж качков, которые, вероятно, когда-то играли с нашим малышом Джонни в одной команде.

Они явно не теряли времени даром в ожидании Рыжули. Я чувствую запах пива, сочащийся из их пор. Судя по мутным глазам и воинственному настрою, Джонни выпил больше всех.

– Я только пришла, – отвечает девушка. Она нервничает.

– С Неро Галло? – усмехается он.

– Может, тебе стоит посадить ее на поводок? – предлагаю я. – Тогда ты будешь уверен, что твоя девушка не разговаривает ни с кем другим.

– Почему бы тебе не свалить? – рявкает Джонни. – Ей это не интересно.

– Сомневаюсь, что ты знаешь, как выглядит заинтересованная девушка, – отвечаю я.

Рыжуля бросает на меня взгляд из-под руки Джонни, снова кокетливо взмахивая ресницами.

⁷ Chicago Bears (англ.) – профессиональный спортивный клуб по американскому футболу.

– Видишь? – тихо говорю я. – Вот как они выглядят. Так, словно хотят, чтобы ты схватил их и опрокинул на ближайший стол.

Джонни отпускает Рыжулю и пристально на нее смотрит. Щеки девушки пылают ярче ее волос.

– Какого хрена, Карли? – требует он ответа.

– Я ничего не делала! – говорит она. Но взгляд девушки возвращается ко мне, выдавая каждую грязную мыслишку в ее голове.

Джонни толкает Рыжулю. Она отшатывается и, не удержавшись на высоких каблуках, приземляется попой на газон.

– Эй! – кричит девушка, и на ее глазах выступают слезы.

Никто не спешит на помощь. Джонни и его приятели уже переключили свое внимание на меня. Мне тоже нет до этого дела, потому что я не рыцарь в сияющих доспехах. Она сама предпочла встречаться с этим придурком, а значит, сама может справиться с его вспышками гнева.

Похоже, Джонни собирается сделать их небольшую размолвку моей проблемой.

– Держи свои грязные ручонки подальше от того, что принадлежит мне, – рычит он.

– Я ее и пальцем не трогал, – отвечаю я. – Но если бы захотел, то уж точно не стал бы спрашивать твоего гребаного разрешения.

– Вот как, ты у нас крутой?

Джонни вторгается в мое пространство, пытаюсь заставить меня отступить. Я стою неподвижно, наблюдая за ним, ожидая первого удара. Верджер такой большой и такой пьяный, что предугадать его действия будет несложно.

– Джонни... – пытается предупредить его один из приятелей.

– Да знаю я, кто его папаша, – рявкает тот. – И братьев его я тоже знаю. Я не боюсь кучки вонючих гангстеров. Сейчас не двадцатые.

– А какие? Восьмидесятые? – спрашиваю я. – Потому что ты выглядишь как тот придурок из «Кобры Кай»⁸.

Не уверен, что Джонни уловил отсылку. Но в любом случае он разозлился. С рычанием бугай выбрасывает вперед кулак размером с кирпич, целясь мне в голову.

Я подныриваю под него, затем сгибаю ноги, как поршни, и направляю свою голову прямо в лицо Джонни. Верхушка моего черепа с чудовищной силой врзается в его нос. Если бы игра «Камень, ножницы, бумага» состояла из частей тела, череп всегда бы побеждал нос. Раздается глухой звук перелома, словно бейсбольная бита наткнулась на тыкву. Из ноздрей Джонни мгновенно начинает хлестать кровь, заливая его футболку «Чикаго Беарз».

– А-а-й! Сволочь! – воет Джонни.

Его приятели бросаются на меня с двух сторон.

Я ждал этого, но мало что могу предпринять, чтобы отбиться от них. Я ростом шесть футов два дюйма⁹, сильный, но худощавый. А эти парни весят примерно по 240 фунтов¹⁰ каждый и выглядят так, словно все выходные проводят на тренировочной скамье и впрыскивают друг другу в задницы стероиды для скаковых лошадей. Может, я не так много времени провел на уроках физики, но достаточно, чтобы понимать, что их общая масса сразит меня наповал.

Так что вместо того, чтобы ждать, пока дружки Джонни набросятся на меня, я бегу к тому, что слева, и, вытянув ноги вместе, врзаюсь ему в лодыжку, будто совершаю подкат. Его лодыжка сгибается под довольно неприятным углом, и здоровяк падает прямо на меня.

⁸ «Кобра Кай» – школа карате из фильма 1984 г. «Парень-каратист».

⁹ Примерно 189 см.

¹⁰ Примерно 109 кг.

К сожалению, это дает его приятелю время пнуть меня в лицо. Он попадает мне в рот, рассекая верхнюю губу. Пинаться – это подло, особенно когда вас трое против одного.

Джонни все еще воеет, схватившись за нос. Рыжуля тоже кричит, хотя я и не вполне понимаю почему – из-за того, что я дерусь с этими двумя придурками, или из-за того, что разбил лицо ее парню.

Я обрушиваюсь на второго качка и избиваю каждый дюйм его тела, до которого только могу достать. Этот пинок в лицо реально меня выбесил. Я валю парня на землю и продолжаю мутузить его снова и снова, пока не сдираю костяшки в кровь. Его приятель ковыляет ко мне и дает в глаз, а я в ответ бью его локтем в лицо.

К этому моменту на крики Рыжули собралась уже целая толпа. Пять или шесть парней разнимают нас, оттаскивая меня от любителя помахать ногами.

Пока я обездвижен, Джонни пользуется возможностью и бьет кулаком мне в живот, выбивая из меня весь воздух. Если бы меня не держали за руки, я бы пырнул этого ублюдка ножом, что лежит в моем кармане. Я не собирался использовать его в дружеских перебранках, но этот засранец уже довел меня до ручки.

Прежде чем я успеваю высвободиться, между нами встает Ливай, расталкивая нас в разные стороны.

– Все-все, вы неплохо повеселились, – говорит он.

У Ливая светлые обесцвеченные волосы и куча цепей на шее. На нем звездно-полосатая ветровка и вареные джинсы. Я бы сказал парню, что он выглядит как Ванилла Айс¹¹, но Ливай, скорее всего, счел бы это за комплимент.

– Если хотите драться, продолжайте где-нибудь в другом месте, – говорит он.

– Я убью этого мелкого говнюка! – рычит Джонни, все еще держась за нос.

– На здоровье, – отвечает Ливай, – только не здесь.

Он смотрит на меня. Я сплевываю немного крови на траву.

– Что насчет тебя? – спрашивает Ливай.

– Я в порядке, – отвечаю я. – Пойду в дом.

– Круто.

Ливай кивает своим приятелям, и те отпускают меня. Я выпрямляюсь и убираю с лица волосы.

– Тебе хана, Неро, – шипит мне вслед Джонни.

Я лишь улыбаюсь ему в ответ, демонстрируя окровавленные зубы. Попадись этот придурок мне в неурочный час, я без лишних разговоров просто перережу ему глотку.

Я направляюсь в дом Ливая, где гораздо жарче, чем снаружи, и слишком много народу. В воздухе стоит такой дым, что можно накуриться, только вдыхая его.

От жары моя губа начинает пульсировать. Я иду на кухню, намереваясь приложить лед.

Кухня Ливая словно сошла с каталогов 70-х годов – сплошь мебель из сосны и холодильник цвета авокадо. Бабуля не следила за модными кухонными тенденциями, а уж Ливаю начхать на это и подавно. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни готовил. Все поверхности завалены коробками с остатками еды навывнос.

Я открываю дверцу морозилки. Там лежит одинокая бутылка водки. Больше нет ничего – ни льда, ни даже выдвижных ящиков.

Я рассматриваю содержимое холодильника снова. Сквозь грохот электронной музыки слышу знакомый раздражающий голос. Эту манерную медлительную речь я узнаю всегда – Белла Пейдж вновь поймала кого-то в свои коготки.

¹¹ *Ванилла Айс* – американский рэпер и рок-музыкант, прославившийся в 90-е своим узнаваемым образом и треком *Ice Ice Baby*.

Я оглядываюсь на девушек. Три злобные стервы окружили какую-то девчонку с темными кудрявыми волосами, перевязанными банданой.

Обычно мне насрать на то, чем занимается Белла. Я вообще стараюсь всеми способами избегать ее общества. Нет ничего интересного в том, что девушка нашла очередную жертву для своей ежедневной отработки стервозности. Я бы скорее удивился, если бы застал ее за чем-то другим.

Но ее нынешняя добыча притягивает мой взгляд.

Камилла Ривера.

А вот это уже настоящий взрыв из прошлого. Я словно смотрю во временную воронку, показывающую события восьмилетней давности. Белла грубит ей, прямо как в старые-добрые времена. И, прямо как и тогда, кажется, будто Камилла вот-вот врежет Белле в глаз.

Меня всегда удивляло упорство, с которым Белла докапывалась до Камиллы. Не то чтобы им было в чем соревноваться. У Беллы были деньги, шмотки, друзья, молодые люди (примерно все более-менее симпатичные парни школы, за исключением меня – впрочем, меня она тоже не раз пыталась соблазнить). К тому же, объективно говоря, она гораздо сексуальнее – со своими пухлыми губами супермодели, ногами от ушей и всей этой я-удалила-четыре-ребра-чтобы-выглядеть-стройнее фигней.

Камилла совершенно не женственная. Она одевается как Билли Джоэл в клипе на песню *Uptown Girl*. Она чем-то перемазана с ног до головы. У нее низкий хрипловатый голос, который не слишком созвучен с язвительным тоном Беллы. И она бедна как церковная мышь. Отец Камиллы отличный мастер, но он никогда не зарабатывает достаточно. Его мастерская в таком плачевном состоянии, что это настоящая антиреклама для бизнеса. Ривера была единственным ребенком в школе, кто приносил обед с собой вместо того, чтобы покупать его в столовой или автомате со снеками. Это всегда были какие-то убогие остатки ужина в банке из-под йогурта – никаких тебе пластиковых контейнеров. Белла высмеивала ее в том числе и за это, наряду с сотней других вещей.

Но излюбленной темой Беллы всегда была мать Камиллы.

Все знают, что та работала стриптизершей. Она родила в очень юном возрасте и продолжала танцевать, когда мы ходили в школу. Ученики в коридорах швырялись в Камиллу долларовыми банкнотами и говорили, что навесят ее мать в «Экзотике», отмечая, какую песню хотят заказать.

Возможно, именно поэтому Камилла так старается быть незаметной. Она всеми силами избегает мужского внимания. Пытается доказать, что не имеет ничего общего со своей матерью.

А может, она просто ненавидит принимать душ. Откуда мне, на хрен, знать?

Белла делает какой-то гадкий комментарий о матери Камиллы.

Тогда-то я и решаю вмешаться в беседу. Не потому, что хочу защитить Риверу, а потому что Белле давно пора обновить репертуар.

Все девушки оборачиваются, уставившись на меня, и Камилла в первую очередь.

Белла улыбается мне, положив руку на бедро и подняв грудь повыше, чтобы я мог оценить.

– Я не знала, что ты будешь здесь, – мурчит она.

– С чего бы тебе знать? – холодно отвечаю я.

Улыбка Беллы превращается в надутые губы.

Она сохнет по мне со дня нашей первой встречи. Забавно – я перетрахал кучу девчонок, которые мне даже не нравились, но всегда игнорировал Беллу. Это уже превратилось в своего рода игру. Чем сильнее она меня хочет, тем больше мне нравится ей отказывать. Эта кукла так избалована, что, возможно, секс со мной – единственное, что ей не удастся получить.

Этого не случится. Не сегодня и никогда. Я знаю, как трудно было бы потом от нее отвязаться, и мне не нужна вся эта драма.

Белла, возможно, единственный человек, кто так же порочен, как и я. Змея змею видит издалека. Кто знает, какую сумасшедшую фигию она способна вытворить, если мы окажемся голыми наедине.

Сияющие розовые губы Беллы открываются, чтобы сказать очередную гадость.

Чтобы заткнуть ее, я поворачиваюсь к Камилле и спрашиваю:

– Это твой «Транс-Ам» там стоит?

В этот момент она явно пыталась ускользнуть, и мой вопрос застал ее врасплох. Камилла снова поворачивается, избегая моего взгляда.

– Да, – тихо отвечает она.

– 77-го года, ограниченная серия?

– Ага.

– Как у Бертона Рейнольдса.

Она улыбается.

Я нечасто видел, чтобы Камилла Ривера улыбалась. Я удивлен, какие красивые у нее зубы и какими белыми они кажутся на фоне загорелого чумазого лица.

– У меня «Мерседес-Гелендваген», – громко вставляет Белла.

Господи. Конечно, у нее «Мерседес-Гелендваген». Бьюсь об заклад, он белый с дисками цвета розового золота и кучей дерьма, свисающего с зеркала заднего вида.

Обмен колкостями продолжается, но меня это быстро утомляет.

Камилла язвит по поводу того, какой придурок отец Беллы, и это довольно забавно. Но Пейдж этим не пронять – она не способна к саморефлексии. Сердце девушки чернее, чем нефтяная скважина.

Моя губа снова начинает пульсировать, и я хочу покончить со всем этим. Я делаю глоток из чьего-то бокала на барной стойке и оставляю девушек, подумывая о том, чтобы сразиться с Мейсоном в хоккее на приставке, если он еще не сильно напился.

Вместо этого я натыкаюсь на ступеньках на Рыжулю. Заплаканными глазами она читает что-то в телефоне.

– Как твоя задница? – спрашиваю я.

– У меня там огромный синяк, – говорит она. – «Спасибо» за помощь.

– Не я тебя толкнул. Благодарю своего парня.

– Он такой козлина! – кричит девушка, снова глядя в свой телефон, прежде чем убрать его в сумочку.

Судя по всему, Джонни выносит ей мозг, строча сообщения, где бы он ни находился. Скорее всего, в больнице, если чувака беспокоит форма его носа.

– Я знаю, как ты могла бы ему отомстить... – говорю я.

Я стою к Рыжуле очень близко – так близко, что ощущаю ее дыхание на своей руке. Нарушить личное пространство женщины – это самый верный способ намекнуть ей о своих намерениях. Запах твоих феромонов проникает ей прямо в нос, отчего она сходит с ума, как шавка во время течки.

Рыжуля поднимает на меня взгляд, ее глаза широко распахнуты, а рот приоткрыт. Я вижу кончик язычка, которым девушка облизывает пересохшую верхнюю губу.

– Ты снова втягиваешь меня в неприятности... – говорит она.

Это не звучит как отказ. Это звучит как мольба о продолжении.

Я опускаю голову, чтобы сказать прямо ей на ухо:

– Ну, я вовсе не хочу втягивать тебя в неприятности. Так что вот что я сделаю. Я прикоснусь к тебе. И ты сама скажешь, когда мне остановиться...

Я дотрагиваюсь до ее коленки и начинаю скользить вверх по внутренней стороне бедра. Ее свежепобритые ноги гладкие, как шелк. Они дрожат под моими пальцами.

Я чувствую, как учащается ее дыхание, когда я поднимаюсь выше. Рыжуля не останавливает меня, а наоборот – немного расставляет ноги.

Моя рука скользит ей под юбку. Внутренняя сторона ее бедра теплая и слегка влажная, потому что на этой лестнице жарче, чем в болотах Луизианы.

Мои пальцы касаются трусиков. Я жду, не скажет ли она что-то... но слышу лишь учащенные вздохи у своей шеи.

Я засовываю пальцы под эластичную ткань трусиков и нахожу бархатную киску, такую же гладкую, как ее ноги. Я провожу указательным пальцем по ее щелке, скользкой и влажной, хотя я еще почти к ней не прикасался. Рыжуля коротко и отчаянно вскрикивает.

Она хватается мое лицо и целует так, словно хочет проглотить меня целиком. У ее губ вкус сангрии и помады. Девушка засовывает свой язык мне в рот, снова разрывая затянувшуюся губу.

Я ввожу в нее палец, и Рыжуля стонет прямо мне в рот, прижимаясь ко мне всем телом.
– Отведи меня наверх, – молит она.

Я хватаю девушку за руку и веду на второй этаж в ближайшую спальню. Там уже уединилась какая-то парочка, но они все еще лежат на постели одетые. Я хватаю парня за футболку и оттаскиваю его к двери.

– Эй, какого черта! – кричит он.

Девушка моргает, глядя на меня снизу вверх, тушь размазана, рубашка наполовину растегнута, так что я могу оценить щедрое декольте над кружевным лифчиком.

– Оставайся или выметайся, – говорю ей я.

Она смотрит на меня, а затем улыбается.

– Я остаюсь.

– Меня устраивает.

Я кидаю Рыжулю на постель рядом с ней.

Затем я захлопываю дверь перед лицом парня и запираю ее на ключ.

Камилла

Когда я просыпаюсь на следующее утро, солнечные лучи просачиваются сквозь ротанговые жалюзи, заливая небольшую застекленную веранду, которую я зову своей комнатой. Яркий свет наполняет меня легкостью, будто он способен стереть кошмары прошлой ночи.

Затем реальность обрушивается на меня. Это были не кошмары. Меня совершенно точно остановил полицейский на Гете-стрит, и теперь у него в багажнике лежит рюкзак, полный улик.

Сейчас 7:22. Вик должен быть на работе к восьми.

Я врываюсь в комнату брата и стаскиваю с него одеяло.

– Эй... – бурчит он. От похмелья Вик не способен даже протестовать.

– Отправляйся в душ, – командую я.

Он пытается перевернуться и спрятать голову под подушку. Ее я тоже отбираю.

– Если ты сейчас же не встанешь, я вернусь с кувшином ледяной воды и вылью его тебе на голову, – предупреждаю я.

– Ладно, ладно...

Брат скатывается с кровати на пол, а затем, пошатываясь, вваливается в нашу единственную ванную.

Я отправляюсь на кухню, чтобы приготовить кофе.

В нашей малюсенькой квартирке всего две комнаты. Одна – моего отца, а другая, крохотная, без окон и собственного туалета, отдана брату. Скорее всего, она задумывалась как кабинет. Я же сплю на веранде. Отец пытался как-то обработать ее, чтобы сделать более устойчивой к погодным изменениям, но все равно летом здесь жарко, как в аду, а зимой холод пробирает до костей. Если идет дождь, моя одежда намокает, а книги разбухают от влажности.

И все же мне нравится моя комната. Мне нравится слушать, как дождь стучит по стеклу. В ясную ночь я могу поднять жалюзи и смотреть, как огни города окружают меня, сливаясь со звездным небом.

Я слышу, как оживает в ванной душ. Надеюсь, Вик действительно моется, а не пускает воду просто так, пока чистит зубы.

Кофеварка шипит, когда в кофейник начинает литься благословенный темно-коричневый пробуждающий нектар.

К тому времени, как взъерошенный и расхристанный Вик вваливается в кухню, на столе его уже ожидают поджаренный тост и яйцо пашот.

– Ешь давай, – говорю ему я.

– Что-то я сомневаюсь, что способен на это, – отвечает он, с отвращением глядя на еду.

– Съешь хотя бы тост.

Брат берет половину кусочка и пробует его безо всякого энтузиазма.

Он плюхается на стул и пробегает пятерней по густым спутанным волосам.

– Слушай, Милл, – говорит он, опустив взгляд, – мне очень жаль, что вчера все так вышло.

– Где ты взял эту дрянь? – требую я ответа.

Вик ерзает на стуле.

– У Ливая, – бормочет он.

Ливай Каргилл – это тот придурок-наркоторговец, в чьем доме мы вчера побывали. Он ходил со мной в одну школу. Как и большинство сволочей с той вечеринки.

– Ты работаешь на него? – гневно шепчу я, чтобы не разбудить отца, который все еще спит и не должен этого слышать.

– Иногда, – мямлит Вик.

– *Ради чего?* – яростно обрушиваюсь на него я. – Чтобы закупить себе дорогого дерьма вроде этих кроссовок и тусоваться с придурочным Энди? Это стоит того, чтобы спустить в унитаз свое будущее?

Брат даже не в силах смотреть мне в глаза. Несчастный и пристыженный, он не сводит взгляд с обшарпанного линолеума.

Он спустил в унитаз не свое будущее, а мое. Тот коп придет сегодня за мной. И вряд ли я отделаюсь штрафом.

Несмотря на мою злость, я не жалею о своем поступке. Вик умен, хоть сейчас по нему этого и не скажешь. У него высшие баллы по биологии, химии, математике и физике. Если он возьмется за ум в этом году и не будет прогуливать уроки, сможет поступить в престижный универ. Возможно, даже получит стипендию.

Я люблю своего братишку больше всего на свете. Я скорее сяду за него в тюрьму, чем позволю ему угробить свою жизнь, даже не успев ее толком начать.

– Давай на работу, – велю я ему. – А потом никаких гулянок с Энди и Тито. Я хочу, чтобы ты вернулся прямиком домой и записался на дополнительные летние курсы, как и собирался.

Вик хмурится, но не смеет мне перечить. Он понимает, что еще легко отделался. Брат хватается вторую половину тоста и направляется к двери.

Я допиваю свой кофе и съедаю яйцо пашот, которое не захотел Вик. Оно оказалось вкрутую. Я так погрузилась в свои мысли, что не следила за таймером.

Отец все еще спит. Возможно, стоит сварить пару яиц и ему. Папа никогда раньше не спал так подолгу, но в последнее время проводит в кровати по десять-одиннадцать часов. Говорит, что стареет.

Я решаю дать ему поспать еще немного, беру свежестыранную спецовку и спускаюсь в мастерскую. Мне нужно закончить с той коробкой, а затем приступить к замене тормозных колодок на «Хонде-Аккорд» мистера Бриджера.

Папа присоединяется ко мне, когда на часах уже десять утра. Он выглядит бледным и уставшим, его тонкие волосы топорщатся над наполовину лысой головой.

– Доброе утро, *tija*, – говорит он.

– Привет, пап, – отвечаю я, вставляя в коробку передач новый уплотнитель. – Выпил кофе?

– Да, – говорит он, – спасибо.

Моему отцу всего сорок шесть, но он выглядит гораздо старше. Папа среднего роста. У него открытое дружелюбное лицо и крупные руки с толстыми пальцами, которые, кажется, не способны удержать и гаечный ключ и все же с легкостью управляют с мельчайшими деталями и болтами.

Когда отец был юным, то мог похвастаться густой черной шевелюрой и разъезжал по округе на мотоцикле. Все девчонки мечтали, чтобы он подвез их до школы на заднем сиденье своего «Нортон Коммандо». Так они с мамой и познакомились. Папа был старшекурсником, а мама еще училась в школе. Но уже через два месяца она забеременела.

Они так и не поженились, хоть и жили пару лет вместе на цокольном этаже в доме моей бабушки. Мой отец сходит по маме с ума. Она действительно была очень красива и умна. Папа велел ей продолжать учебу, а сам взялся работать механиком и приглядывать за мной по ночам.

Денег было в обрез. Мама с бабушкой не ладили. Папа часто злился из-за того, что у него больше не оставалось времени играть в футбол, и целыми днями питался теми же бутербродами с арахисовым маслом и куриными наггетсами, что и я.

Мама скучала по своим друзьям и беззаботным денькам. Она стала приходить домой все позже и позже, но не с учебы, а с вечеринок. В конце концов ее исключили, но чаще появляться дома мать не стала. Наоборот, порой мы не видели ее по несколько дней.

Я помню это время, совсем немного. Моя мама могла появиться раз в неделю или две, и я бежала со всех ног, чтобы увидеть эту красивую даму, от которой пахло дорогим парфюмом и которая носила яркие обтягивающие платья, прямо как мои куклы Барби. Она не брала меня на руки и не сажала к себе на колени. Стоило папе начать задавать слишком много вопросов, или бабушке – отпускать колкости, как мать снова уходила. А я стояла у окна и плакала, пока папа не брал меня на руки, а потом делал мороженое или отводил в гараж, чтобы показать что-нибудь на своем мотоцикле.

В конце концов папе удалось поднакопить достаточно, чтобы купить «Аксель-Авто». Мы переехали из бабушкиного дома в квартиру над мастерской. Моя мама никогда не навещала нас здесь. Я даже не была уверена, что она знает про это место.

Затем, однажды, когда мне было уже десять, посреди вечера раздался звонок в дверь. Поначалу мы его не услышали, потому что в окно барабанил дождь, а по телевизору шел сериал «Скорая помощь». Мы с отцом ели попкорн из гигантской миски, которая стояла на диване между нами.

Когда в дверь позвонили еще раз, я подпрыгнула, опрокинув миску. Папа задержался, чтобы все собрать, а я бросилась открывать. За дверью стояла женщина. На ней не было никакого плаща, волосы намокли – и блузка тоже. Мокрая одежда плотно облепила ее тело, выдавая худобу.

Мы не сразу узнали друг друга. Через какое-то время она сказала: «Камилла?»

Я уставилась на нее, разинув рот. Может, она подумала, что я злюсь. Может, услышала, как отец спросил: «Кто там?», направляясь к двери. Так или иначе, женщина развернулась и сбежала вниз по ступенькам. А Вик остался на пороге.

До этого он прятался за ее ногой. Это был двухлетний малыш, слишком маленький для своего возраста, с огромными темными глазами и совсем еще светлыми нестриженными волосами. Из-за этих волос и пушистых ресниц я даже не сразу поняла, что передо мной мальчик. Вик сосал большой палец, а в другой руке держал того игрушечного Человека-паука.

Мы привели его в дом. Папа стал обзванивать друзей матери, которых знал, ее родителей и родных. Никто понятия не имел, где она. Он предложил привезти мальчика к ее родителям, но те пригрозили полицией. Они так и не простили мою мать за то, что она забеременела мной.

Так что Вик остался на время у нас. Но оказалось, что навсегда. Вообще, тогда мы даже не знали его имени, а сам малыш еще не мог нам ничего сказать. Я предложила имя Вик, потому что обожала сериал «Закон и порядок» и считала полицейские машины «Краун Вик»¹² чертовски крутыми.

Уже позже, когда я училась в старших классах, мы слышали, что мама работает в «Экзотике». Я никогда не ходила туда, чтобы увидеть ее, но думаю, что папа ходил. Пытался выяснить, какого черта с ней происходит. Но вряд ли он получил ответы. Лишь сказал, что Вик остается с нами. К тому времени брату было уже семь. Он ходил во второй класс, играл в бейсбол и совершенно не помнил нашу мать.

С тех пор мы так тут и живем. Это мой дом, и я люблю его. Я люблю запах масла, бензина и очистителей в мастерской. Люблю свою поношенную спецовку и идеально разложенные инструменты, когда могу не глядя схватить нужный хrapовик.

Отец тоже надевает свою любимую спецовку. Когда-то она была темно-синей, но стиралась уже столько раз, что теперь этот цвет едва ли можно назвать серым. Костюм висит на нем как на вешалке – папа сильно похудел за последнее время.

– Ты что, на диете? – спрашиваю я, шуточно толкая его в бок.

– Нет, – говорит он, – просто забываю вовремя поесть. Неплохо выгляжу, да?

¹² Американский седан Ford Crown Victoria.

Он ухмыляется и встает в позу бодибилдера. Правда, у него нет ни грамма мышечной массы, так что рукава просто свисают с плеч.

Я слабо улыбаюсь в ответ.

– Да, пап, выглядишь отлично.

Отец помогает мне закончить с коробкой передач, и мы возвращаем ее на место. Вдвоем это делать гораздо проще. Папа работает так быстро и ловко, что я выкидываю из головы все неприятные мысли. Он точно не растерял хватку.

И все же я замечаю, что он дышит чуть тяжелее, чем обычно, и потеет от жары в мастерской.

– Включить вентилятор? – спрашиваю я.

– Не, – отвечает он. – Здесь же прям бесплатная сауна. Что хорошо скандинавам, хорошо и нам.

И все же я приношу газировку из холодильника.

Пока мы пьем, я слышу, как звякает колокольчик на двери в мастерскую. Новый клиент.

– Я посмотрю, – говорю я отцу.

Я спешу ко входу, оставляя газировку на приемной стойке. У нас нет администратора – стойка лишь создает видимость. А еще порой отец использует ее, чтобы разобрать все накопившиеся счета и квитанции, которые мы все время оставляем на потом.

Я вижу мужчину в обтягивающей белой футболке и кепке с эмблемой «Чикаго Кабс»¹³, просматривающего нашу стопку журналов о классических автомобилях.

Услышав меня, он поднимает голову. Я вижу квадратную челюсть, загорелое лицо и дружелюбную улыбку.

Черт.

Это офицер Шульц. Я отвлеклась на коробку передач со своим отцом и совершенно про него забыла.

– Камилла, – говорит он, – рад видеть тебя снова.

Жаль, не могу ответить тем же.

– Офицер Шульц.

– Зови меня Логан.

У меня нет особого желания так его звать, поэтому я просто киваю.

– Значит, вы с отцом владеете этой мастерской? – говорит он, оглядываясь.

– Ага.

Нашу приемную нельзя назвать симпатичной. Она крохотная, грязная и на редкость уныло украшенная – пара выцветших постеров и одинокий фикус, который мы вечно забываем поливать. И все же мне не нравится его снисходительный тон и вид, с которым Шульц явился сюда, словно желая пометить территорию в том единственном месте, которое принадлежит мне.

– Ты живешь в квартире на втором этаже?

– Да.

– И твой брат Вик тоже?

– Ага.

– Он ходит в школу в Окмонте?

– Да. Это его последний год.

– Я тоже там учился, – говорит Шульц и засовывает руки в карманы джинсов, отчего его грудные мышцы напрягаются под белой обтягивающей футболкой. Сегодня он не стал надевать свою форму. Возможно, чтобы притупить мой страх. Но это не поможет, как и светская беседа.

– И я, – отвечаю я.

¹³ Chicago Cubs (англ.) – бейсбольный клуб Чикаго.

– В каком году ты закончила?

– В 2013-м.

– Вот как. А я в 2008-м. Похоже, мы разминулись.

– Да, похоже на то.

Мой отец выглядывает из мастерской.

– Помощь нужна? – спрашивает он.

– Нет! – быстро отвечаю я. – У меня все под контролем.

– Хорошо. Зови, если что-то понадобится. – Папа дружелюбно кивает Шульцу, не догадываясь, что этот чувак здесь для того, чтобы хорошенько испоганить жизнь его детям. Полицейский салютует в ответ.

Я жду, пока папа уйдет, а затем без особой радости снова обращаю свое внимание на Шульца.

– Давайте ближе к делу, – говорю я.

– Разумеется, – непринужденно улыбаясь, соглашается он. – Давай. У тебя было обнаружено сто четырнадцать таблеток дури.

Черт.

– Я отметил в отчете, что остановил автомобиль для проверки и обнаружил рюкзак. Но полиция Чикаго может по-разному подходить к процессу задержания преступника.

– Что это значит?

Он пристально смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами, продолжая приветливо улыбаться.

– Что ж, представь, что хранение наркотиков – это твоя задолженность. Ты должна штату Иллинойс четыре года. Но ты не принесешь никакой пользы обществу, если будешь сидеть в тюрьме. Наоборот, обойдешься налогоплательщикам в кругленькую сумму. Так что по отношению к добропорядочным гражданам этого штата будет справедливо, если ты отработаешь свой долг как-то иначе.

Мне не нравится, что он стоит так близко, глядя на меня сверху вниз.

– И как же мне это сделать? – спрашиваю я.

– Ну... ты слышала когда-нибудь о тайных осведомителях?

Да. Как я уже сказала, я посмотрела немало серий «Закона и порядка». Я знаю, кто такие тайные осведомители.

– Вы хотите, чтобы я доносила, – сухо констатирую я.

– Я предпочитаю называть это «оказание помощи полиции в задержании опасных преступников».

Опасных преступников, которые перережут мне горло, если узнают, что я общаюсь с копом.

– А вы слышали когда-нибудь выражение «доносчику – первый кнут»? – спрашиваю я.

Он наклоняет голову набок, оценивающе оглядывая меня с ног до головы, хотя видит перед собой лишь спецовку.

– Как насчет выражения «не роняй мыло»? – тихо и насмешливо спрашивает Шульц. – Вряд ли ты оценишь федеральную тюрьму, Камилла. Женщины там ничуть не лучше мужчин, а порой и хуже. Они любят, когда к ним попадают юные симпатичные девушки. Стекаются к ним, как рыба к наживке, даже не утруждают себя соблюдать очередность.

У меня по коже бегут мурашки. Ненавижу, когда мне угрожают. И особенно меня бесит, что это все из-за какого-то сраного пакетика клубных наркотиков. В этом городе люди пачками убивают друг друга на улицах. А он привязался ко мне, потому что кучке богатых детишек нравится ловить кайф и танцевать под дерьмовую музыку.

– И что я должна делать? – цежу я сквозь зубы. – Носить жучок и все такое? Я незнакома с настоящими преступниками. Только с кучкой идиотов, которые любят ловить кайф. И мы даже не друзья.

– Откуда взялась эта наркота?

– От Ливая Каргилла, – без колебания отвечаю я. Я не испытываю ни малейших угрызений совести, выдавая этого парня после того, как он завербовал моего брата толкать для него наркоту. – Он живет...

– Я знаю, где он живет, – прерывает меня Шульц.

– Если вы и так про него знаете, то для чего вам я?

– Чтобы подобраться к нему ближе, – отвечает полицейский. – Выяснить, где он достает товар. Разузнать имена всех продавцов и поставщиков. Доложить мне.

– Я, блин, не Пуаро! – кричу я. – Откуда мне все это знать?!

– Разберешься, – говорит Шульц без тени участия и вручает мне визитку. На обратной стороне написан его личный номер. – Запомни этот номер. Привыкай на него звонить. Теперь мы будем часто видеться.

Я подавляю стон. Я бы предпочла видеть его в последний раз. Да и Ливая тоже, раз уж на то пошло.

– А что, если я не смогу предоставить информацию? – спрашиваю я.

– Тогда ты попадешь в тюрьму, – холодно отвечает Шульц. – Как и твой брат. Не забывай, что у него в кармане тоже были таблетки. Он достаточно взрослый, чтобы его судили как совершеннолетнего.

Я сжимаю губы, чтобы не ляпнуть ничего лишнего. Я слишком зла – разумеется, мы с Виком всего лишь инструменты для офицера Шульца. Ему плевать, как это отразится на нас, главное, добавить еще одну строчку в свой отчет.

– Запомни этот номер, – повторяет Шульц.

– Я занесу его в телефонную книжку, – отвечаю я. *Чтобы никогда не снимать трубку, увидев на экране твое имя.*

– Отлично. У тебя найдется еще газировка? – спрашивает он, кивая головой в сторону полупустой бутылки на приемной стойке.

– Нет, – лгу я. – Закончилась.

Шульц усмехается. Он знает, что это неправда.

– Приятно было повидаться, Камилла, – говорит он. – Надо встречаться почаще.

Я стою, скрестив руки на груди, пока он не уходит.

Когда я возвращаюсь в мастерскую, папа спрашивает:

– Чего он хотел?

– Ничего, – отвечаю я. – Уточнял направление.

Папа качает головой:

– Туристы.

– Ага.

– Что ж, он хотя бы фанат «Чикаго Кабс».

– Это единственная причина, по которой я ему ответила.

Папа смеется, смех переходит в кашель, который никак не прекращается. Когда он наконец стихает, отец выглядит иссиня-бледным.

– Ты в порядке, пап? – спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает он. – Правда, мне, пожалуй, надо немного прилечь. Если ты справишься сама с этими тормозами.

– Без проблем, – говорю я. – Я со всем разберусь.

– Спасибо, солнышко.

Он медленно поднимается по лестнице в квартиру.

Я провожаю его с тяжелым сердцем.

Неро

Когда я спускаюсь к завтраку, Грета уже напекла к кофе свежих бискотти и приготовила фритату с красным перцем, воспользовавшись железной сковородой, которая, пожалуй, даже старше ее самой.

Грета предлагает мне еду, но я хочу только кофе.

– Тогда мне больше достанется, – говорит Данте и накладывает себе вторую порцию фритаты.

Отец сидит на другом конце стола и читает газету. Должно быть, мы единственная семья, которая все еще выписывает прессу и единолично держит на плаву «Чикаго Трибюн» и «Дэйли Геральд».

– Я могу открыть их у тебя на планшете, – говорю я *rara*.

– Я не люблю планшеты, – упрямо отвечает он.

– Нет, любишь. Помнишь, как ты бесконечно играл в ту игру, где нужно расстреливать зомби горошком?

– Это другое, – бурчит *rara*. – Если ты не испачкал руки типографской краской, считай, газету ты не читал.

– Как хочешь, – отвечаю я.

Я отхлебываю кофе. Это настоящий кофе – темной обжарки, горьковато-сладкий, приготовленный в трехкамерной алюминиевой гейзерной кофеварке. Грета может сварить и капучино, и маккиато – стоит только попросить, – потому что она гребаный ангел.

На самом деле наша экономка не итальянка, но этого никогда не скажешь по тому, как она готовит отцовские любимые традиционные блюда. Грета появилась в этом доме даже раньше, чем *rara* женился на нашей матери. Она помогала нас всех растить. Особенно после того, как *тата* умерла.

Грета полновата, а в ее волосах еще остались рыжеватые пряди, напоминающие о ее безумной юности, про которую наша экономка может рассказывать бесконечно, стоит ей выпить немного лишнего. С тех пор как Аида съехала, Грета – единственная, кто вдыхает жизнь в этот дом.

Данте просто сидит за своим концом стола и поглощает завтрак, словно оголодавшая бессловесная скала. *Rara* не издает ни звука, если только не увидит в газете что-то шокирующее. Себастиан живет на территории университета и заглядывает домой только в выходные.

Никогда бы не подумал, что буду скучать по Аиде. Она всегда была как раздражающий мелкий щенок, твякающий под ногами. Куда бы мы ни направлялись и что бы ни делали, она следовала за нами и влипала в неприятности.

Занятно, что Аида стала первой из нас, кто пошел под венец, учитывая, что она самая младшая. Не говоря уже о том, что она последняя девчонка, кого вообще можно представить в пышном свадебном платье.

Черт возьми, возможно, Аида так и останется единственным отпрыском Энцо Галло, вступившим в брачный союз. Хрена с два я свяжу себя такими обязательствами. Данте до сих пор не может забыть девушку, с которой когда-то встречался, – хотя брат никогда в этом не признается. А Себастиан... что ж, я теперь вообще не представляю, что он будет делать со своей жизнью.

Мой младший брат собирался играть в НБА¹⁴. Затем Кэллам, муж Аиды, разнес его колено к хренам – тогда наши семьи еще не слишком ладили. Теперь Себ просто плывет по течению. Он продолжает терапию в надежде вернуться на площадку. Иногда присоединяется

¹⁴ НБА – Национальная баскетбольная ассоциация, профессиональная баскетбольная лига Северной Америки.

к нам с Данте, когда подворачивается дело. Этой зимой Себастиан застрелил польского гангстера. Думаю, это отразилось на нем. Одно дело – быть преступником, и совсем другое – убийцей... Когда переходишь эту черту, обратной дороги нет. Это меняет тебя навсегда.

Меня это изменило совершенно точно. Ты понимаешь, что человек может покинуть этот мир за считанные секунды. Умереть за время, достаточное, чтобы щелкнуть выключателем. Вот и все, а дальше только бесконечная пустота, как та, что предшествовала твоему появлению на свет. Вся твоя жизнь – лишь вспышка. Так какая разница, на что ее тратить? Добро, зло, милосердие, жестокость... это все – искра, которая гаснет без следа. Все существование человечества станет бессмысленным, как только Солнце расширится и сожжет планету дотла.

Я рано выучил этот урок.

Потому что я впервые убил человека, когда мне было десять.

Вот о чем я думаю, попивая свой кофе.

Rara заканчивает читать первую газету и берет следующую. Но прежде, чем начать просматривать первую полосу, он переводит взгляд на Данте.

– Какой будет наш следующий проект после того, как мы завершили строительство башни на Оук-стрит? – произносит он.

Данте накалывает на вилку последний кусок фритаты.

– Мост на Кларк-стрит нуждается в реновации, – говорит он. – Мы можем поучаствовать в тендере.

В последнее время «Галло Констракшн» берется за все более и более крупные проекты. Забавно, учитывая, что изначально итальянская мафия ударилась в строительство, только чтобы заручиться поддержкой профсоюзов. Все началось в Нью-Йорке. Десятилетиями все строительные проекты этого мегаполиса так или иначе контролировались бандитами. Мы подкупали профсоюзных лидеров, оказывали на них давление или даже ставили там своих людей. Когда тебе подвластен профсоюз, тебе подвластна вся индустрия. Можно заставить работников замедлить или остановить процесс, если тебя не устраивает размер «благотворительного взноса» от застройщика. К тому же тебе предоставляется доступ к огромным профсоюзным пенсионным фондам, которые практически не регулируются и отлично подходят для не облагаемого налогом отмывания денег или даже откровенного грабежа.

Ирония в том, что, запуская бизнес из грязных побуждений, порой ты начинаешь получать от него вполне легальный доход. Так случилось с теми донами мафии, которые переехали в Лас-Вегас: открыв казино, чтобы отмывать незаконную прибыль, они вдруг обнаружили, что игорные дома загребают больше денег, чем незаконный рэкет. Упс – ты теперь узаконенный бизнесмен.

Мало-помалу то же случилось и с «Галло Констракшн». Чикаго быстро застраивается – особенно наша часть города. «Магнифисент-Майл»¹⁵, Лейк-Шор-драйв¹⁶, торговые улицы Саут- и Вест-Сайда¹⁷... Только в этом году на коммерческое строительство потратят пять миллиардов.

И мы получаем с этого даже больше, чем нужно.

«Галло Констракшн» только что завершила строительство высотного здания под тысячу двести футов¹⁸. *Rara* хочет запланировать следующий проект. И у меня в кои-то веки появилась идея...

– Как насчет района Саут-Воркс? – говорю я.

¹⁵ The Magnificent Mile (англ.) – элитный коммерческий район Чикаго.

¹⁶ Lake Shore Drive (англ.) – скоростная автомагистраль, проходящая вдоль береговой линии озера Мичиган и примыкающая к парковой зоне и пляжам Чикаго.

¹⁷ South Side, West Side (англ.) – районы Чикаго.

¹⁸ Примерно 365 м.

– А что с ним? – спрашивает *rara*, глядя на меня из-под кустистых седых бровей. Его глаза темные, как у жука, и такие же пронизательные, как и всегда.

– Это четыреста пятнадцать акров совершенно нетронутой земли. У него, должно быть, самый большой неиспользованный потенциал во всем этом чертовом городе.

– Ты когда-нибудь видел, как питон пытается заглотить аллигатора? – спрашивает Данте. – Даже если он сможет придушить рептилию, то подавится, пытаясь ее проглотить.

– У нас нет на это денег, – говорит отец.

– И людей, – добавляет брат.

Может, год назад дела так и обстояли, но с тех пор многое изменилось. Аида вышла замуж за Кэллама Гриффина, наследника ирландской мафии. Затем Кэллам стал олддерменом¹⁹ самого богатого округа города. Ну а вишенкой на торте стало замужество младшей сестры Гриффина с главой польского «Братерства»²⁰. Так что теперь у нас больше влияния и людей, чем когда-либо.

– Думаю, Кэла заинтересует моя идея, – говорю я.

Данте и отец обмениваются хмурыми взглядами.

Я знаю, о чем они думают. Весь наш мир перевернулся с ног на голову. Мы поколениями враждовали с Гриффинами, и вдруг, как гром среди ясного неба, случился этот союз. Пока все идет неплохо, но на свет до сих пор не появился младенец, который породнил бы наши семьи.

Данте и *rara* – консерваторы до мозга костей. Они и так уже сыты переменами по горло.

Так что я собираюсь сыграть на их соревновательном духе.

– Если вы не хотите этим заниматься – без проблем. Вероятно, Гриффины справятся и сами.

Данте издает вздох, больше напоминающий рокот. Словно в пещере проснулся дракон, разбуженный незванным гостем.

– Прибереги эти приемчики для девочек в баре, – рычит он. – Я понял, к чему ты ведешь.

– Четыреста пятнадцать акров, – повторяю я. – На самом берегу озера.

– По соседству с дерьмовым районом, – добавляет *rara*.

– Это неважно. Линкольн-парк тоже когда-то был дерьмовым районом. Теперь там живет Винс Вон²¹.

Rara размышляет. Я молчу, чтобы не прерывать его мысли. Не стоит мешать цемент, когда он уже затвердевает.

Наконец он кивает.

– Я назначу встречу с Гриффинами, и мы все обсудим.

Окрыленный успехом, я хватаю бискотти, макаю его в остатки кофе и направляюсь в подземный гараж.

Если бы я сравнил себя с супергероем, я бы выбрал Бэтмена. Это моя бэт-пещера. Я мог бы проводить тут дни напролет и возиться с машинами, поднимаясь на поверхность лишь ночью, чтобы вляпаться в какую-нибудь неприятность.

Прямо сейчас я работаю над мотоциклом «Индиан-Скаут» 1930 года выпуска и автомобилями «Шелби-CSX» 1965 года и «Шевроле-Корвет» 1973 года. Еще у меня есть «Мустанг», на котором я сейчас езжу, – «Босс-302» 1970 года, золотой с черными гоночными полосами. Полностью оригинальный металл, восьмицилиндровый двигатель с механической коробкой передач, пробег всего сорок восемь тысяч миль. Виноловые сиденья я заменил на овечью кожу.

¹⁹ Член городского местного совета в США.

²⁰ Braterstwo (польск.) – братство.

²¹ Винс Вон – американский киноактер, сценарист и продюсер.

Ну и, наконец, моя любимица. У меня ушли годы, чтобы найти ее, – «Тальбо-Лаго-Гранд-Спорт». На эту малышку я потратил больше часов работы, чем на все прочие свои автомобили, вместе взятые. Это единственная моя истинная любовь. Машина, которую я не продам никогда.

Я сентиментален, только когда дело доходит до автомобилей. Лишь эти механизмы побуждают во мне желание окружить их заботой и лаской. Только с ними я могу быть спокойным и терпеливым. Когда я за рулем, я ощущаю полный покой. И даже немного счастья. Ветер обдувает мое лицо. Когда я прибавляю скорость, все кажется чистым и светлым. Я не замечаю мелкие детали – трещины, грязь и уродство. Но только до тех пор, пока не останавливаюсь.

Именно поэтому я больше всего люблю лето. Потому что могу колесить по городу весь день, не беспокоясь о том, что машину повредит снег, слякоть и соль на дороге.

Я даже не против поработать водителем Данте. Сегодня нам нужно заехать в кучу мест, чтобы выдать зарплату нашим строителям. Они все хотят наличку, потому что половина из них платит алименты и налоги, а ведь на что-то еще надо пить, делать ставки и снимать жилье. Кстати о ставках – нам нужно еще забрать рейк²² из нашего подпольного казино в отеле «Кингс-Армс».

Так что бо#льшая часть нашего дня – это нудная бизнес-рутина. Я скучаю по выбросу адреналина, который ощущаешь, выходя на настоящее дело.

Когда мне было пятнадцать, а Данте – двадцать один, мы вместе творили самую разную дичь. Грабили бронированные грузовики и пару раз даже банки. Затем ни с того ни с сего он подписал контракт на службу в армии и провел следующие семь лет в Ираке. Вернувшись, он стал совсем другим человеком. Он мало говорит. Не выносит шуток. И растерял весь свой дух авантюризма.

Закончив с делами, мы заезжаем на обед в «Коко-Раццо», а потом Данте отправляется на встречу с нашими прорабами. Меня это нисколько не интересует, так что я высаживаю его и намереваюсь отправиться домой и заняться своим «Мустангом». С тех пор как я усилил двигатель, он чертовски перегревается. Сегодняшняя жара под сто градусов по Фаренгейту²³ и Данте, возвышающийся на пассажирском сиденье, как 250-фунтовый²⁴ кусок гранита, тоже дают немалую нагрузку движку.

Даже несмотря на то, что я еду домой медленно, показатели поднимаются все выше и выше, и машина напрягается, даже чтобы подняться на крошечный холмик. Черт. Эдак я могу и не доехать.

Проезжая по Уэллс-стрит, я замечаю потрепанную вывеску «Аксель-Авто». Поддавшись порыву, я кручу руль влево и сворачиваю за угол здания, чтобы подъехать к автосервису.

Я давненько здесь не бывал. Раньше я заказывал у Акселя Риверы запчасти для машин – до того, как в интернете стало можно купить что угодно. Еще он чинил машины моего отца, пока я не наловчился делать это сам.

Я ожидаю увидеть в мастерской Акселя, словно прошедших лет и не бывало.

Однако я вижу куда более стройную фигуру, склонившуюся над капотом «Аккорда». Камилла воюет с чем-то в двигателе. Поборовшись с неким предметом, она наконец выдерживает его и выпрямляется, после чего кладет кепку на ближайшую скамейку и вытирает потный лоб тыльной стороной ладони. Решив, по-видимому, что этого недостаточно, она снимает футболку и использует ее как полотенце, обтирая лицо, шею и грудь.

Теперь на ней лишь простой хлопковый лифчик, мокрый от пота. Я удивлен тому, какая спортивная у нее фигура: стройные и сильные руки, рельефный пресс. Да и выше природа ее не обделила, о чем я не догадывался: влажная ткань бюстгальтера обтягивает полные, мягкие

²² *Рейк* – плата, которую казино берет за игру в своем заведении.

²³ 100 °F – примерно 38 °C.

²⁴ Примерно 113 кг.

груди. Ривера всегда одевается как пацан. Оказывается, под всеми этими грязными шмотками скрывается самая настоящая девушка.

Я прочищаю горло. Камилла подсказывает, как испуганная кошка. Увидев, кто перед ней, она бросает на меня сердитый взгляд и натягивает футболку обратно.

– Здесь тебе не пип-шоу²⁵, – резко бросает она. – «Экзотика» в двенадцати кварталах отсюда.

– «Экзотика» сгорела, – сообщаю ей я.

Вообще-то это я сжег стрип-клуб, когда был на ножах с его хозяином. Это был мой первый опыт поджога, и я испытывал охренительное удовлетворение, глядя на то, как пламя, словно живое существо, словно демон, вызванный из ада, с ревом взмывает вверх. Я могу понять, почему людей это затягивает.

– Правда? – спрашивает Камилла, широко раскрыв глаза от удивления. Они невероятно темные – глубокие, цвета кофе мокко, такие же темные, как ее волосы и ресницы. Оттого, что девушка редко улыбается, именно глаза выдают большую часть ее эмоций. Кажется, новость о пожаре в «Экзотике» обескуражила Камиллу.

Ох, точно – ведь там работала ее мать.

– Ага, – говорю я. – Сгорела этой зимой. Теперь там просто пустой участок.

Она смотрит на меня с подозрением, словно думает, что я ее разыгрываю.

– И как же она сгорела?

– Видимо, кто-то слишком быстро вращался вокруг шеста, – хмыкаю я. – Трение стрингов. Достаточно искры, чтобы вспыхнул пожар.

Или несколько канистр бензина и зажигалка.

Камилла бросает на меня угрюмый взгляд.

– Чего тебе нужно? – спрашивает она.

– Так у вас здесь общаются с клиентами? Неудивительно, что толпы желающих не видать. Я делаю вид, что оглядываю очередь из невидимых посетителей.

Ноздри Камиллы раздуваются.

– Ты не клиент, – шипит она.

– А мог бы им стать, – говорю я. – Мой двигатель перегревается. Я хочу глянуть его, прежде чем поеду дальше.

Я не спрашиваю разрешения загнать машину внутрь, просто заезжаю в пустой бокс. Потом выхожу и открываю капот.

Не в силах совладать с любопытством, Камилла заглядывает внутрь.

– Ты использовал оригинальные запчасти? – спрашивает она. – Для моделей с 1965 по 1968 годов выпуска можно достать что угодно, а вот для моделей с 1971 по 1973-й...

– Эта 1970 года, – говорю я.

– И все равно...

– Все оригинальное! – резко прерываю ее я.

– Кроме тормозного комплекта?

– Ну... да.

Она раздражающе хмыкает, словно была права.

Я начинаю припоминать, почему Камилла никому не нравилась в школе. Потому что она упрямая маленькая всезнайка.

– Ты добавил турбонаддув? – спрашивает она. – Сколько здесь теперь лошадиных сил?

Она реально меня бесит. Ведет себя так, словно я какой-то мелкий богатый говнюк с Уокер-драйв, который ни хрена не смыслит в собственной тачке.

²⁵ *Пип-шоу* – представление, где посетитель опускает в автомат жетон, чтобы посмотреть из небольшого окошка в специальной кабине на раздетую женщину.

- Дело не в дисбалансе! – рывкаю я.
- Тогда почему двигатель перегревается?
- Ты мне скажи, гений механики!

Она выпрямляется, глядя на меня.

- Я ничего не должна тебе говорить. Я на тебя не работаю.
- Где твой отец? – спрашиваю я. – Вот кто знает свое дело.

Я знал, что это ее разозлит, но даже не представлял, как сильно. Камилла хватает ближайший гаечный ключ и размахивает им так, словно собирается ударить меня по голове.

– Он спит! – кричит она. – И даже если бы не спал, сказал бы тебе то же самое, что и я. А именно – вали на хрен отсюда!

Она разворачивается и стремглав выходит из мастерской, направляясь по ступеням вверх, бог знает куда. Наверное, в квартиру. Скорее всего, вся ее семья живет над мастерской. «Вся семья» – это ее отец и тот братишка, что толкает дурь для Ливая. Интересно, знает ли Камилла об этом. Она вряд ли даже пила в школе – всегда была из ответственных.

Что ж, это ее проблема, а не моя.

Прямо сейчас моя проблема – это как сделать так, чтобы моя машина снова ехала легко и плавно. И если Камилла не собирается возвращаться, тогда я воспользуюсь ее инструментами сам. Нет смысла оставлять эту прекрасную мастерскую простаивать без работы.

Большинство ее оборудования, похоже, использовал еще Ной для строительства ковчега, но оно в хорошем состоянии, чистое и на своих местах. Я переключаю радиостанцию, чтобы не слушать Шакиру или какое еще дерьмо там играло. Вскоре я уже по локоть в моторе разбираюсь с «Мустангом».

Спустя час мне приходится признать, что, возможно, в словах Камиллы была определенная доля истины. Из-за некоторых модификаций, которые я установил на двигатель, он работает с мощностью, в два раза превышающей ту, на которую был рассчитан. Похоже, мне стоит пересмотреть некоторые изменения.

Но это уже работа для моей собственной мастерской. А пока мне просто нужно долить охлаждающей жидкости. Выяснив это, я бросаю пару сотен баксов на верстак за пользование инструментами и материалами.

Может, я и преступник, но не жмот.

Камилла

Я так зла, что готова кричать!

Кем этот гребаный Неро себя возомнил, если думает, что может запросто приезжать в мою мастерскую и вести себя так, словно я тут за поломойку?

Я слышу, как Галло возится с моими инструментами внизу. Мне хочется схватить шланг от мойки и направить на него струю, чтобы прогнать, как паршивого пса.

Единственное, что отвлекает меня от этого плана, это мой отец, который снова начинает кашлять. Он хотел подремать, но просыпается каждые десять минут ради очередного раунда хрипов и стонов. Я замираю на кухне в нерешительности, не зная, как поступить: пойти проведать отца или оставить его в покое на случай, если он снова провалится в сон.

На меня накатывает тошнотворное чувство страха, словно я стою посреди заброшенного здания и стены вокруг меня начинают рушиться. У Вика проблемы. Тот коп схватил меня за задницу. А теперь еще и с папой что-то не в порядке. Дело не только в кашле – он уже давно не в лучшей кондиции. Но у нас нет медицинской страховки. Мы самозанятые. Я смотрела разные варианты, но самый выгодный пакет все равно обойдется нам в тысячу двести долларов в месяц. У меня же на руках в лучшем случае остается пара сотен лишних баксов после того, как мы оплатим коммунальные услуги, продукты и арендную ставку за место, которая растет с каждым годом.

Я работаю все больше и больше, но лишь наблюдаю, как мои мечты, словно песок, утекают сквозь пальцы. Я хочу, чтобы мой брат поступил в хороший университет и стал кем-то значительным – доктором или инженером. Я хочу, чтобы он жил не в квартире, а в одном из этих больших красивых домов в Олд-Тауне. Я хочу, чтобы у моего отца был приличный счет в банке, чтобы он мог спокойно выйти на пенсию, когда эта работа станет слишком тяжелой для него. Я хочу, чтобы он в любой момент мог поехать отдыхать куда-то, где тепло и солнечно.

А что касается меня...

Я не знаю. Я понятия не имею, чего я хочу для себя.

Я хочу не чувствовать себя гребаной неудачницей. Я хочу, чтобы у меня было время на друзей и отношения. И было бы здорово заниматься лишь той работой, что действительно приносит удовольствие. Я люблю машины больше всего на свете. Но менять тормозные колодки по меньшей мере утомительно. Я бы хотела браться за более творческие проекты.

Рынок пользовательских модификаций растет с каждым днем. Будь у меня деньги, мы могли бы делать матовую отделку, оклейку, индивидуальные фары, обвесы и все такое прочее.

Но это только мечты. Мы едва способны расплатиться за то оборудование, что у нас уже есть. А если мой отец не поправится в ближайшее время, мы не сможем брать дополнительную работу.

По крайней мере, он наконец затих. Думаю, папа все-таки уснул.

Я делаю себе бутер с арахисовой пастой и запиваю его стаканом молока. Затем я проверяю, что папа действительно спит, и единственный звук, который доносится из его спальни, – это храп. После этого я ставлю посуду в раковину и спускаюсь в мастерскую, чтобы прогнать Неро.

Похоже, он уже уехал.

Правый бокс пуст, видимо, его «Мустанг» оказался достаточно исправен, чтобы отвезти его домой.

По радио играет Дрейк. Галло сменил мою радиостанцию. Неужели нет глубин, на которые не опустился бы этот человек? Я переключаю обратно на «Топ-хит» и слышу Watermelon Sugar. Спасибо тебе, Гарри Стайлз. Ты настоящий джентльмен. Ты бы никогда не посягнул на

динамометрический ключ женщины, заставив напоследок слушать худшее, что подарила нам Канада.

По крайней мере, Неро оставил после себя порядок. Впрочем... он оставил кое-что еще – пачку банкнот на стамеске.

Я медленно приближаюсь к ней, словно внутри притаился скорпион.

Беру деньги. Здесь шестьсот баксов. Разумеется, сплошными сотками. *Засранец.*

Я держу купюры, размышляя, почему Неро решил оставить деньги. Вряд ли потому, что чувствовал вину за свое идиотское поведение, – я никогда не слышала, чтобы этот парень хоть перед кем-то извинялся. Ни когда сломал руку Крису Дженкенсу во время школьной игры в баскетбол. Ни, тем более, когда близняшки Хендерсон по очереди отсосали ему в один день с разницей в час, понятия не имея друг о друге.

А это просто была школьная хрень. С тех пор он проворачивал дела куда хуже. Если верить слухам, за ним тянется немало криминала. Поговаривают, что Неро и его брат – члены итальянской мафии. Я бы не удивилась. Его отец ни много ни мало дон, а не какой-то там макаронник.

Я помню, как впервые увидела Энцо Галло, подъезжающего к автосалону в блестящем сером «Линкольне-Таун-Кар», который казался длиной в милю. Он вышел оттуда, одетый в костюм-тройку, туфли-оксфорды и пальто в «гусиную лапку». Я никогда раньше не видела, чтобы мужчина так одевался. Я подумала, что это сам президент.

Они с отцом пожали руки и долго о чем-то говорили. Даже смеялись вместе. Я подумала, что они давние друзья. Позже я узнала, что Энцо Галло ведет себя так со всеми. Он знает всех в этом районе – и итальянцев, и остальных.

Энцо – великодушный диктатор. Отец говорил мне, что когда-то каждое предприятие на северо-западе Чикаго платило семейству Галло пятипроцентный сбор за «крышу». Северо-восток принадлежал ирландцам. Но, когда итальянцы занялись рэкетом в сфере строительства, они вернулись к старому доброму вымогательству.

Теперь их фамилия красуется на высотках в центре города. Я не могу представить себе Неро, работающего ковшом экскаватора. Вот если бы он прятал под фундаментом труп... это больше похоже на правду. Могу поспорить, он бы при этом улыбался.

Нет, если Неро оставил деньги, то точно не по доброте душевной. Просто для него шестьсот баксов – это незначительная мелочь.

Но не для меня. Я прячу деньги в карман спецовки. Это два месяца походов в продуктовый или четверть платы за аренду. Я бы взяла их даже из рук сатаны.

Я заканчиваю доливать жидкость в «Аккорд», а затем направляюсь в наш крошечный офис, чтобы оплатить пару счетов.

Пока я вожусь с онлайн-платежами, мой телефон начинает вибрировать. Я снимаю трубку не глядя, ожидая услышать, как Вик попросит подвезти его домой.

– Скучала по мне, Камилла? – спрашивает мужской голос.

Резко отпрянув от трубки, я смотрю на имя на дисплее – «Офицер Олень».

– Не то чтобы я успела по вам соскучиться, – отвечаю я. – Попробуйте в следующий раз выдержать паузу подольше.

Он хмыкает.

– Я знал, что выбрал правильную девушку, – говорит Шульц. – Что делаешь сегодня вечером?

– Сортирую носки.

– Подумай еще раз. Ты едешь на Уокер-драйв.

– А что на Уокер-драйв? – невинно спрашиваю я.

– Ты прекрасно знаешь, что там, – говорит полицейский. – Я удивлен, что не видел тебя там раньше.

– Я чиню машины, а не разбиваю их о столбы, – отвечаю я.

– Что ж, так или иначе, уверен, что тебе понравится шоу, – говорит Шульц. – Подружись с Ливаем. Возобнови старые школьные связи.

Я внутренне содрогаюсь. Офицер Шульц прекрасно знает, какие у меня отношения с этими людьми. Он копает под меня. И явно не для того, чтобы стать моим лучшим другом. Он хочет убедиться, что я не сорвусь с крючка.

* * *

Я храню свою одежду в прихожей. В моей маленькой импровизированной спальне нет ни шкафа, ни места для комода. Впрочем, нарядов у меня тоже немного, и в основном они однотипные. Джинсы. Несколько футболок. Майки из упаковки по пять штук. Пара шорт, которые раньше были джинсами.

Их я и надеваю, дополнив кроссовками и футболкой. Затем гляжусь в зеркало в ванной. Я снимаю синюю бандану, которая стягивает мои волосы, и теперь кудряшки торчат во все стороны, завиваясь еще сильнее от летней влажности.

Хотела бы я иметь локоны, как у Бейонсе. Но вместо этого у меня прическа Говарда Стерна²⁶, и волосы торчат во все стороны, словно меня ударило током. Даже концы немного выцвели на солнце, будто действительно перенесли напряжение в десять тысяч вольт. Обычно я убираю их назад.

Я совершенно точно не пойду с распущенными волосами. Но я могу по крайней мере сделать нормальную прическу. Я втираю в волосы немного масла ши, затем скручиваю их в пучок на макушке. Несколько кудряшек торчат, но мне все равно. Сойдет и так.

Я сажусь в свой «Транс-Ам» и еду в сторону Уокер-драйв. Эта улица словно три автостреды в одной – на первых двух ее отрезках оживленное движение, но чем ниже я спускаюсь, тем меньше машин встречается мне по пути. Она идет параллельно реке и огорожена с обеих сторон тяжелыми опорными балками.

Я бывала здесь раньше раз или два, но, похоже, не попадалась на глаза Шульцу. Сложно устоять против желания поглядеть, как самые быстрые машины города соревнуются в незаконном стритрейсинге.

Это не просто уличные гонки: они включают в себя и дрифтинг²⁷, и бернаут²⁸. Гонка нередко выходит из-под контроля, и кто-то врежется в припаркованную тачку или столб. Прошлой осенью этим кем-то был Неро Галло, насколько я слышала. Он разбил свой любимый «Бел-Эйр», когда соревновался с Джонни Верджером. Глупо было даже пытаться – классическая тачка не может тягаться с новехоньким БМВ ни в скорости, ни в управляемости, какие бы модификации ни привносил в нее Неро. Впрочем, это его проблемы. У этого парня свой уровень безумия. А затем вдруг окажется, будто он жаждет чистого самопожертвования. Галло из тех, кто хочет уйти в сиянии славы. При чем «уйти» здесь важнее, чем «сияние славы».

Приехав на место, я вижу, как вокруг лениво разъезжает с полдюжины машин с включенными фарами, и еще десяток авто припаркованы тут же. Меня окружают «Супры», «Лансеры», «Мустанги», «Импрезы», парочка «М-2» и даже один серебристый хромированный «Ниссан-GT-R».

Я паркуюсь и вливаюсь в нестройную толпу, пытаюсь отыскать знакомые лица.

²⁶ Говард Стерн – американский теле- и радиоведущий.

²⁷ Дрифтинг – техника выполнения управляемого заноса.

²⁸ Бернаут – намеренная пробуксовка покрышек с характерным жжением резины от трения об асфальт.

Я замечаю Патришу Портер. Это симпатичная темнокожая девушка, которая училась на год старше меня. Ее волосы убраны в высокий конский хвост, крыло носа украшено небольшим золотым колечком.

– Патриша! – зову я.

Девушка оглядывается. Ей требуется пара секунд, чтобы заметить меня, после чего Патриша расплывается в улыбке.

– Я не видела тебя целую вечность, – говорит она.

– Я знаю. Я скучная. Никуда не выхожу.

Она смеется:

– Я тоже. Часто работаю по ночам, так что в основном могу предложить только встречу за бранчем...

– Где ты работаешь?

– В клинике «Мидтаун-Медикал». Я рентгенолог.

– В таком случае почему же ты не светишься?

– Ну, я ношу свинцовый фартук. Но я и правда приобрела парочку суперспособностей...

Я счастлива видеть Патришу. Приятно вспомнить, что не все, с кем я ходила в школу, были засранцами. К сожалению, лишь большинство.

Кстати, а вот и Белла Пейдж собственной персоной. На этот раз без своих миньонов, но в компании какого-то парня в джинсовой куртке. Парня я не знаю. У него типичная восточноевропейская внешность – зачесанные назад волосы и высокие скулы, а сбоку на шее вытатуирован крест.

Похоже, именно он хозяин хромированного «GT-R». У парня неплохой вкус в машинах, чего не скажешь о женщинах. Эти тачки не зря называют «Годзилла» – на них сваи на дороге объезжаешь так, словно спускаешься на лыжах с чертовой горы.

Я планирую стоять тихо и не отсвечивать в надежде, что Белла меня не заметит, но тут Патриша кричит:

– Эй, Белла, где твое обрамление?

Пейдж хмуро смотрит на нас. Девушка явно не в восторге от того, что мы сделали ход раньше, чем она нас заметила.

– Они сегодня не пришли, – говорит она.

– Странно, – отвечает Патриша. – Я думала, вас соединили вместе хирургическим путем.

– Это называется «дружба», – снисходительно поясняет Белла сладким голосом. – Вот почему мы королевы, а вы две едва тянете на уборщиц.

Я качаю головой, глядя на нее.

– Ты вообще не изменилась со школы, – говорю я. – И это не комплимент.

– Ага. Вы даже сами себе придумали прозвище. Это так стремно, – подхватывает Патриша.

Я фыркаю.

Не знаю, кто первый назвал их королевами, но я вполне могу представить, как эти стервы сидели втроем и накидывали идеи. Должно быть, это заняло у них полдня.

Белла сужает глаза, пока они не превращаются в две ярко-голубые щелочки.

– Знаете, что еще не изменилось со школы? То, что вы две – все те же нищие уродины, которые просто мне завидуют.

– Что ж, одно из трех ты угадала, – говорю я, – денег у меня действительно не много.

– Оно и видно, – отвечает Белла, окидывая меня взглядом. Затем она разворачивается и присоединяется к своему парню, который, похоже, даже не заметил ее отсутствия.

Патриша смеется, нисколько не задетая этим небольшим обменом любезностями.

– Боже, я думала, что к этому времени она уже куда-нибудь переедет, – говорит девушка, – чтобы мучить других невинных жителей.

– Невинных с натяжкой... – замечаю я.

Несколько машин уже выстраиваются в очередь у старта – подтянутые, проворные японские модели и ревущие американские маслкары²⁹. Первыми к гонке готовятся фиолетовая «Импреза» и белая «Супра» с длинной царapiной на боку.

Патриша, кажется, наблюдает за этой гонкой с особым вниманием. Она покусывает кончик большого пальца, глядя на машины.

Автомобили с визгом срываются с места. «Импреза» вырывается вперед, стартуя первой, но «Супра» начинает догонять ее на прямом участке. Перед финишной чертой расположен поворот, «Супру» заносит, но она снова вырывается вперед, когда машины выравниваются. Они стремительно пересекают финишную черту, и «Супра» опережает соперника на дюйм.

Здесь всего четверть мили³⁰. Вся гонка заняла не больше четырнадцати секунд.

Но все это время я следила за ними, задержав дыхание. Я вся дрожу от возбуждения, меня накрывает волной радости.

Похоже, Патриша взволнована не меньше моего – она кричит от восторга, словно с самого начала болела за «Супру».

– Кто за рулем? – спрашиваю ее я.

Девушка краснеет и кажется немного смущенной.

– Один парень, Мейсон, – говорит она. – Мы вроде как встречаемся.

Обе машины разворачиваются, и Патриша спешит к ним наперерез свету фар. Я иду следом – мне интересно посмотреть на этого Мейсона.

Он выходит из «Супры» – высокий, худоцавый, с выбритыми на висках молниями, одетый в рваные узкие джинсы.

Парень посмеивается над водителем «Импрезы»:

– Я же говорил – нет у тебя максимальной скорости...

Мейсон осекается, увидев Патришу.

– Патриша! Детка! Почему ты не снимаешь трубку? – кричит он. – Я звонил тебе раз восемьсот. Слушай, говорю тебе, детка, я никогда не изменял...

– Я знаю, – спокойно говорит Патриша.

– Ты знаешь... – Мейсон во все глаза смотрит на девушку. – Если ты это знаешь... тогда... какого хрена... ты поцарапала ключами мою МАШИНУ? – кричит он.

– Потому что ты оставил мою бабушку в аэропорту! – вопит в ответ Патриша. – Ты обещал встретить ее, пока я буду на работе! Она ждала три часа, Мейсон! Ей восемьдесят семь! Она видела, как взорвался дирижабль «Гинденбург». Вернее, она слышала об этом, потому что тогда еще не было гребаного телевидения!

Мейсон замер как вкопанный, и, судя по виноватому выражению лица, он напрочь забыл о бабушке Патриши до этого самого момента.

– Ну да, ну да, – говорит он, поднимая руки, – возможно, я немного проспал...

– Проспал?!

– Но, детка, не стоило царапать мою машину. Это же раритет!

– Бабуля – вот раритет, Мейсон! Бабуля!

Эта сцена гораздо интереснее, чем гонки. Вокруг нас уже столпился большой круг зевак, и я клянусь, что кто-то уже делает ставки на то, даст ли Патриша пощечину Мейсону или снова пострадает его машина.

– Ей пришлось есть в ресторане быстрого питания! Прямо в аэропорту! Что может быть хуже?!

²⁹ *Маслкары* – класс автомобилей в США, известных высокой мощностью при более низкой стоимости, чем у спортивных машин.

³⁰ Примерно 400 м.

В этот момент я замечаю Ливая Каргилла, который стоит напротив меня. На нем ярко-розовый спортивный костюм, а в правом ухе блестит бриллиант размером с ноготь моего мизинца. Не понимаю, зачем Шульцу понадобилась моя помощь, чтобы выследить Ливая, когда его, вероятно, можно увидеть даже из космоса.

Я незаметно пробираюсь в его сторону, желая пообщаться наедине.

Каргилл беседует с парой парней бандитского вида. Когда я встречаюсь с ним взглядом, Ливай отделяется от толпы и неторопливо подходит ко мне.

– Хочешь чего-нибудь купить? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я.

Парень окидывает меня взглядом, многозначительно ухмыляясь.

– Значит, хочешь что-то бесплатно? У меня есть кое-что большое и толстое, и я могу...

– Вообще-то я насчет своего брата.

– Кого?

– Виктора.

– А, – улыбка сходит с его лица, – ты утащила его вчера с моей вечеринки.

– Точно. Туда он больше не ходок. И продавать для тебя он тоже больше не будет.

Губы Ливая складываются в тонкую ниточку, ноздри с шумом втягивают воздух.

– Это тебя не касается, – говорит он. – Это наше с Виком дело.

– Виктору семнадцать, – тихо говорю я. – Он несовершеннолетний, и он больше на тебя не работает.

Ливай сжимает пальцами мое плечо, словно тисками, и оттаскивает меня подальше от света фар, за бетонный столб.

– Вот в чем проблема, – шипит он. – Твой братишка должен мне сто пятьдесят таблеток. А еще нового дилера, раз уж он решил слиться.

– Там было сто десять таблеток, – говорю я.

– Он заплатит мне за сто пятьдесят, или именно столько ударов я нанесу ему по затылку своей клюшкой для гольфа, – цедит Ливай, еще крепче сжимая мою руку.

– Сколько это стоит? – бормочу я, стараясь не показывать, что мне больно.

– По десять баксов за таблетку, – говорит Каргилл.

Черта с два они обошлись ему в такую цену. Но Ливай явно намерен меня обчистить.

– Ладно, – рычу я. – Я достану тебе деньги.

– Да? А как насчет дилера?

Я колеблюсь. Мне не хочется поддаваться этому парню. Я вообще больше не хочу его видеть.

Но есть кое-кто, кто не позволит мне вернуться домой и спрятать голову под подушку. Офицер Шульц ждет от меня информации. И он ожидает услышать нечто большее, чем новость об «увольнении» Вика.

– Я буду им, – говорю я.

– Ты? – презрительно усмехается Ливай.

Я вырываю руку из его хватки.

– Да, – отвечаю я. – Я знаю гораздо больше народа, чем Виктор. Люди приезжают в мастерскую каждый день. Возможно, я смогу даже удвоить выручку Вика.

– Я думал, ты хорошая девочка, – подозрительно говорит Каргилл. – Я слышал, ты даже член не сосеешь при включенном свете.

– На освещение мне плевать, – говорю я. – Но к твоему я не притронусь ни за какие деньги.

Ливай фыркает.

– Ты тоже не в моем вкусе, стерва в костюме Джастина Бибера.

Я бы сказала парню, что он похож на крутую мамашу, но решаю оставить это при себе. Если мне нужен компромат на Каргилла, придется с ним сработаться. А если это единственный способ избавиться от Шульца, что ж... Выбора у меня нет.

– Я на многое готова, чтобы мой брат пошел в университет, а не застрял здесь, как остальные.

Ливай усмехается.

– Бывал я в университете. Там крутится больше наркоты, чем во всем этом городе.

– Ну что ж, а еще там выдают дипломы.

Ливай оглядывает меня в последний раз.

– Ладно, – говорит он. – Приходи ко мне завтра.

– Отлично. Приду.

Я отворачиваюсь, стараясь не выдавать учащенное дыхание.

Супер. Я теперь драгдилер.

Настроение у меня не самое праздничное, но, во всяком случае, теперь мне будет что рассказать Шульцу, когда он позвонит в следующий раз. Если его к этому времени не собьет автобус.

Неро

Я не планировал заезжать на Уокер-драйв. Я знаю, что участвовать в гонках глупо. Но меня тянет туда снова и снова. Все дело в запахе высокооктанового топлива и в том, как рычит под капотом мотор, словно дикий зверь. Машина жаждет гонок, как лошадь – скачек.

А я хочу быть тем, кто сидит за рулем.

Время замедляется. За четырнадцать секунд ты можешь прожить целый год. Я вижу все – каждый камешек на тротуаре, каждую каплю влаги на лобовом стекле. По вибрации рычага переключения передач под моей ладонью я ощущаю работу двигателя.

Здесь я разбил свой «Бел-Эйр». Это была плохая ночь. Я был чертовски зол. В такие моменты мне хочется спалить дотла весь этот гребанный город. Не знаю, чем вызвано такое желание. Видимо, со мной что-то не так.

Когда я чувствую боль, мне хочется еще больше боли, больше ярости, больше жестокости.

Возможно, дело в том, что от боли невозможно избавиться. Ее можно лишь попытаться выжечь.

Так или иначе, сегодня в гонке участвует Мейсон, и я хочу посмотреть на это.

Его «Супра» соревнуется с «Импрезой» Винни. Это дружеская гонка, на кону всего две тысячи долларов.

Когда машины выстраиваются на старте, я замечаю, как подъезжает знакомый красный «ТрансАм» и со стороны водителя выходит Камилла Ривера. Она болтает с бывшей Мейсона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.